

Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города*

Александр Изотов

Ключевые слова: адаптация социокультурной системы к окружающей среде, воображаемый геокультурный ландшафт, градусведение, культурная экология, матричный анализ географических образов, местная идентичность, поэтика и магия места, пространственно-географические символы, хронотоп, *genius loci*

В чужих словах скрывается пространство...

Л. Н. Гумилев

...Эта страна обретает очертания лишь по мере нашего приближения к ней, и пейзаж вокруг, пока мы движемся вперёд, малопомалу упорядочивается; и мы не различаем, что за горизонтом; но даже то, что рядом с нами, — не более чем последовательная и изменчивая видимость.

Андре Жид

Северное Приладожье — это земля, где обитали древние саамы, о чём свидетельствуют местные топонимы, и где будто бы жили мифические люди-великаны, не оставившие о себе ничего, кроме устных преданий¹. Через это пространство прошли, запечатлев на нём

Александр Борисович Изотов, научный сотрудник Карельского института Университета г. Йёнсюу (Финляндия).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Академии наук Финляндии в рамках проекта «Роль трансграничного взаимодействия в переустройстве северо-востока России как экономического, социального и политического пространства» («Reconstitution of North-West Russia as an economic, social and political space: The role of cross-border interaction»).

свой след, многие народы: карелы и шведы, финны и русские... Те, кто около полувека назад покинул эту землю последними, оставили после себя замечательные сооружения с таинственными надписями на стенах, вызывающими ассоциации с памятниками какой-нибудь древней цивилизации. Они ушли — ушли, чтобы вернуться в наши дни в качестве туристов...

Это пространство, где Север-лицедей играет роль Юга, а стрелка геокультурного компаса показывает сразу и на Восток, и на Запад. Здесь создавались древние руны и эстрадные шлягеры. Именно этому месту посвящена данная статья. Точнее — расположенному здесь городу Сортавала.

Сортавала сегодня — небольшой пограничный город на северо-западе Российской Федерации, административный центр одного из муниципальных районов Карелии (рис. 1). Население самого города

Рис. 1. Карта Северного Приладожья с городом Сортавала.

Источник: <http://helyla.onego.ru/map.jpg>

составляет около 20 тыс. человек, а всего района — почти 35 тыс. Занимающий территорию около 2 тыс. кв. км район делит с Финляндией изрядную часть российско-финской границы. Сортавала находится на скалистых берегах крупнейшего озера Европы — Ладоги, неподалеку от знаменитого Валаама. (Горожане, впрочем, считают, что это архипелаг находится рядом с Сортавалой.) Достаточно развита транспортная инфраструктура. Имеется автомобильное сообщение с Санкт-Петербургом (до него 256 км) и с Петрозаводском (250 км), а также с другими городами Карелии.

На протяжении веков Северное Приладожье было ареной столкновения геополитических интересов. На этой территории происходил этногенез карельского народа. Новгородцы основали здесь погост в XIII—XIV веках, позднее регион находился в сфере влияния то Швеции, то Российской империи. Короткий срок после 1917 года город динамично развивался в составе независимого Финляндского государства. Один из самых драматических периодов в истории Сортавалы начинается во время Зимней войны 1939 года. Он длился почти до конца Второй мировой войны; на его протяжении финское население дважды полностью покидало город и уходило в Финляндию. В конечном счёте территория отошла к Советскому Союзу и с 1944 года планомерно заселялась мигрантами из внутренних районов страны и из советских республик. Для их потомков Сортавала стала родиной. В послевоенный период Сортавальский район становится закрытой пограничной зоной. С конца 1980-х граница открывается сначала для иностранных туристов, а позднее и для российских граждан.

Для сообщения всех этих сведений не стоило писать статью. Они содержатся в справочниках, путеводителях и фотоальбомах. Кстати, подобной литературы о Сортавале издано много, и это лишний раз свидетельствует, что город заслуживает внимания и туристов, и исследователей. Моя задача — показать нечто, стоящее за фактами, дать свою интерпретацию гуманитарно-географических образов города, не столько систематизируя, сколько обозначая геокультурную ауру места. Поэтому в первой части статьи я остановлюсь на некоторых методологических подходах, которые в последние годы используются в подобных исследованиях.

Сортавала — идеальное место для применения *концепции воображаемого ландшафта*. Немного найдётся городов, где бы природный и урбанистический пейзажи находились в такой гармонии. Вызывающая романтические ассоциации природа Северного Приладожья несомненно повлияла на творчество зодчих. А созданная ими архитектура, в свою очередь, развивает воображение и фантазию живущих

здесь людей. Не случайно Сортавала подарила Карелии много замечательных поэтов², вдохновляла и заезжих творцов; так, Белла Ахмадулина на берегу залива Кирьявалахти в 1980-е годы в стихотворном цикле увековечила местный ирис, назвав его «*средоточьем чёрных магий*». Сортавала — это карельский Шираз, центр торговли и поэзии.

Сегодня в науку приходит осознание минусов рационализма и объективизма. Она всё чаще склоняется к образному пониманию мира. Гениальное стихотворение может продвинуть нас гораздо дальше, чем научный трактат, потому что оперирует более глубокими образами. Пространство в современной гуманитарной географии рассматривается как «мощный образный “сгусток”», а «мифы и образы города стали основой культурно-антропологического градоведения»³. Современная философия тоже уделяет пристальное внимание взаимосвязи человека и места.

Метод

Термин «место» имеет преимущественно пространственное значение, но и категория «время» для него важна. И точные, и гуманитарные науки тяготеют к объединению пространства и времени в единое «пространство-время». М. М. Бахтин разработал теорию *хронотопа* применительно к литературоведению; у него это понятие отражает существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Приметы времени скрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем⁴. В исторической науке в её тесной связи с географией понятие «время-пространство» концептуально разработал Иммануил Валлерстайн⁵. Урбанистика тоже обнаруживает тенденцию к изучению места в комплексности его исторического и географического развития, исследователи городов тоже выделяют «определённый срез, хронотоп — общность пространства и времени, “пространство + время”»⁶.

По-своему подошел к географическим образам Гастон Башляр: «В пространстве находим мы прекрасные окаменелости времени»⁷. Исследование пространственных образов места человеком, в нём родившимся, и исследование того же места путешественником различны. У уроженца «топо-анализ», по определению Башляра, связан с локализацией воспоминаний. Путешественник же не имеет здесь «дома», где он «жил воображением». Для него посещаемое пространство не содержит столько «сжатого времени», как для того,

кто провёл в нём детство и потому может сознавать «последовательность фиксаций в пространстве стабильности своего существа». Приезжий также не может отправиться «в страну Неподвижного Детства, неподвижного как Незапамятного»; но в некоторых случаях и он имеет дело «со сгустками счастья». И он через годы может отправиться на поиски утраченного времени, оставшегося в некогда посещённом пространстве. Майя Плисецкая писала в мемуарах, что для неё давнее «сортавальское лето было всплеском счастья»⁸: не совсем в башлярском смысле, точнее — совсем не в башлярском, ибо счастье, разделённое ею с молодым мужем-композитором, было далеко от «переживания одиночества».

В США *поэтикой места* занимаются географы и антропологи Майлз Ричардсон и Скотт Смайли. По мнению первого, окружающий нас мир, человеческая деятельность и смысл жизни образуют поэтику культуры. Изучая её, исследователь постигает способы человеческого бытия⁹. Второй считает, что исследование поэтики места предполагает анализ глубоко личного переживания человеком окружающего его пространства. Многие аспекты, связанные с местом, непосредственно определяют качество жизни и деятельности человека. Встреча с местом означает погружение в него, разрушение той ментальной границы, которую сам человек возводит между собою и окружающей средой¹⁰. Смайли подчеркивает, что исследование места с картезианской отстранённостью субъекта исследования от объекта вообще неприемлемо; необходимо поэтическое восприятие ландшафта или сопереживание ему. Экзистенциальная феноменология раскрывает поэтику места, не замыкаясь на проблемах эпистемологии: она охватывает и поэтику онтологии, способы описания, концептуализацию. Поэтическое знание связано с осмыслением поэтического бытия и поэтического языка, с формированием концепций, таких, как концепция *genius loci*, позволяющих избежать редукции отношений «субъект — объект».

Недавно появились концепции городского пространства, отражающие реакцию на тоталитарное прошлое и на последствия модернистского проекта, одним из проявлений которого было советское общество. С. А. Смирнов выступил с проектом идеи города как строительства Града Божьего в себе. По его мысли, такая идея города, или культурная его рамка понимается в её неразрывной связи с душевным и духовным миром человека, «пролегает через сердце поэта и философа, которым нет места в эмпирическом городе...»¹¹. А Леонид Ионин напоминает о взаимоотношениях человека и пространства в эпоху, предшествовавшую Новому времени. Его концепция основа-

на на консервативной социально-политической мысли, противостоящей как коммунистическому, так и либеральному проектам. Интересно сопоставить то, что Смаيلي вслед за Башляром именует поэтикой места, с понятием *магии места*, разрабатываемым Иониным. Опираясь на идеи К. Мангейма, Ю. Хабермаса, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, он предсказывает наступление новой магической эпохи. Научно-технический прогресс обещал раскрыть все тайны мироздания, а обернулся достижениями в различных областях человеческой деятельности, непостижимыми для самого человека. Процесс глобализации только способствовал усилению этой тенденции. Эпоха постмодерна, отказываясь от модернистского прогрессизма, сталкивается с новой «заколдованностью» мира¹². У человека с магическим мировосприятием связи с землёй, с местом, где он обитает, — глубокие, духовные и символические. У человека эпохи Просвещения они были абстрактными, так что с началом Нового времени пространство исчезает — не в физическом, а в психологическом и идеологическом смысле. С этим связано и возникновение социальных утопий. Поскольку СССР был попыткой реализации утопии на практике, пространство здесь было тоже абстрагировано, оторвано от человека. Для Ионина внимание к месту — это «элемент антиутопического движения в сторону магического и консервативного в современном мире»¹³. Применительно же к современной теоретической гуманитарной географии концепции Смирнова и Ионина выглядят следующим образом. Первый ставит во главу угла идею места, второй, напротив, подчёркивает первичность места по отношению к идеям. Неохристианский проект Смирнова, призывающего к героическому строительству храма души своей, выглядит новой Утопией — формой «третьего пути» с упором на очищающую от городской грязи соборность. Пафос концепции Ионина — антиутопический и антиглобалистский; она зовёт к укоренению человека на земле, словно вторит Борису Гребенщикову: «Пора вернуть эту землю себе».

Несмотря на всё более изощренные подходы к изучению культурного ландшафта, которые можно было бы связать с переживаемой нами эпохой постмодернизма, как минимум, один аспект исследований в этой парадигме возвращает нас к истокам географической науки. Это роль путешествия как метода исследования и личного «открытия» географического пространства¹⁴. Автору посчастливилось родиться и вырасти в Сортавале, а его «путешествия» по городу продолжают до сих пор, поэтому субъективность его видения города не просто следует тенденциям современной гуманитарной географии, но и имеет глубоко личные основания. Статья отра-

жает эту личную вовлечённость в исследование автора в его качестве местного жителя. Сложившиеся стереотипы восприятия места иногда совпадают с образами, создаваемыми в эссе, порой не совпадают, а то и противоречат им. Это позволяет увидеть в изучаемом месте новые грани и измерения.

Исследование места сегодня почти обязательно оказывается междисциплинарным. Гуманитарная география сама находится на стыке наук, глубинно связана с разными направлениями современного знания. Соответственно меняются методы территориальных и региональных исследований. Наиболее продвинутые учёные занимаются концептуальным «самообслуживанием»: вместо того чтобы пользоваться какой-либо из общепринятых методик изучения пространства, разрабатывают собственные теоретические подходы и методы. Синтез поэзии и географии привел к тому, что уже и географическая карта обретает роль метафоры¹⁵. Смысл одного из наиболее часто употребляемых в зарубежных гуманитарных науках термина *mapping*, который, на первый взгляд, можно было бы передать словом *картографирование*, часто далёк от такого прямого перевода.

Лингвистический поворот в гуманитарной науке отразился и на географии. Исследователи фокусируют внимание на роли языка, масс-медиа и литературных текстов в формировании локальных и региональных образов. Само пространство, особенно городское, рассматривается как текст, как некое послание, которое требуется прочесть и осмыслить. Сортавала — сложный территориальный комплекс, отражающий полную драматизма историю, культурные традиции и современность вкупе с уникальным природным ландшафтом, — требует именно такого подхода.

Для данного исследования был выбран метод матричного анализа. Термин «матрица» ассоциируется в статье с созданием образа или системы образов на основе определённого носителя информации¹⁶. В подзаголовки статьи вынесены образные матрицы, а те, в свою очередь, распадаются на вторичные образные «подматрицы». Это позволяет представить символы-имиджи города в виде веера геосторических образов, словно разворачивающего многомерную картину культурно-географического пространства Сортавалы.

Амфитеатр

Один из наиболее устойчивых образов Сортавалы — это амфитеатр. Город со всех сторон окружён высокими скалистыми горами,

и архитекторы встраивали его в этот ландшафт. Один из исследователей Сортавалы писал¹⁷:

«Точно найдены здесь соразмерные человеку масштабы застройки и ширина улиц. Поражает глаз разнообразие архитектурных решений и удивительная связь застройки с ландшафтом. Бродя по городу, обнаруживаешь, что из разных точек видна гора Кухавуори. Идешь по какой-нибудь улице центра, поворот — и открывается вид на гору или залив и обрамляющую его зелень».

В то же время путник, оказавшийся на одной из вершин окружающих город гор, видел всё городское пространство как на ладони. Отсюда — сходство с амфитеатром.

Форма естественного амфитеатра влияет не только на архитектуру, но и на климат. Город защищен цепью скалистых островов от Ладоги, славящейся своим непредсказуемым и буйным нравом. То есть в нем самой природой создан микроклимат, который способствует существованию необычных для этих широт флоры и фауны. В Сортавале — скалистый пейзаж («горы»), на краю отвесного берега озера («морья») растут сосны («пинии»), и в сочетании с черепичными крышами домов это создаёт иллюзию, что вы находитесь где-то на юге. В непродолжительные жаркие летние дни это ощущение особенно усиливается. Манера местных жителей вывешивать белье, протягивая верёвку под окнами, рождает ассоциации с каким-нибудь Неаполем. Есть здесь и свой Везувий — складки давно потухшего вулкана. В общем, если согласиться с Фернаном Броделем в том, что границы Средиземноморья располагаются несколькими рядами в виде концентрических поясов¹⁸, то в жаркий летний день нетрудно вообразить, будто Сортавала находится на самых дальних рубежах средиземноморской цивилизации. Средиземноморье часто сравнивают с большим амфитеатром, образуемым прилегающими к морю странами: африканским плоскогорьем, долиной Нила, побережьями Греции и Испании и т. д. Сортавальское пространство скромнее по масштабам, но — тоже амфитеатр.

Арена. Природный амфитеатр создает уникальные возможности для развития хоровой музыкальной культуры. В городском парке (полное название «Ваккосалменпуйсто») финны устроили певческое поле; точнее, оно было образовано природой и лишь слегка «подправлено» человеческой рукой. Певческие праздники собирали здесь хоровые коллективы со всей Финляндии. Отражавшая звук скала, под которой находились сцена и зрительские ряды, создавала уникальную акустику. После многих лет забвения песенные праздники возродились

и стали ежегодными. Обычно они проводятся в День города, во время знаменитых белых ночей, которые в Сортавале ничуть не темнее петербургских.

Два городских стадиона тоже пристроены к естественному городскому амфитеатру, вписаны в окружающие скалы. Старый стадион прилегает к центральной части города и находится между ул. Гагарина (бывшая Koulukatu) и ул. Кирова (Valamonkatu), новый был построен в 1970-е годы в районе Тухкала, недалеко от городского парка. На горе Куха — трамплин; приземлившись с него, летающие лыжники въезжали на лед озера Айранне. Старый городской стадион в 1950—1960-е годы был огорожен высоким деревянным забором, поскольку матчи местных футбольных команд привлекали столько зрителей, что не хватало билетов. Зимой на нём устраивался общегородской каток. Сегодня техническое состояние и инфраструктура обоих стадионов, как и вообще спортивная база города, находятся в плачевном состоянии. А ведь Сортавала — издавна город атлетов. В 1920-е годы в парке Ваккосалми устраивались физкультурные праздники, спортивные соревнования и военные учения. Особой популярностью пользовались лыжные гонки. В советское время детская спортивная школа воспитала многих чемпионов СССР, Европы и мира, участников Олимпийских игр: серебряного призёра чемпионата мира конькобежца Сергея Хлебникова, летающего лыжника Юрия Калинина, выступавшего в команде СССР на Олимпиаде в Саппоро, мастеров международного класса прыгунов с трамплина Петра Коваленко и Юрия Иванова. Ни один город Карелии не сравнится с Сортавалой по представительству в сборных командах Советского Союза. Из летних видов спорта развита гребля. Школа гребцов находится вблизи от центра города на берегу Вакколаhti. В этом виде спорта сортавальцы по-прежнему добиваются успеха на общероссийских соревнованиях.

Возвращаясь к советской эпохе, стоит отметить, что в 1940—1960-е годы спортивные состязания носили ритуальный характер. Телевидение появилось в 1969 году, когда на одной из скал была построена телевышка. Лишь с этого времени болельщики уединяются по своим квартирам. Коллективное же сопереживание спортивным событиям вовлекает массового зрителя в метафорический мир, порождает ассоциации с мифологией героических подвигов, с сюжетом о столкновении легендарных титанов. Соревнование превращается в метасобытие, стоящее над повседневностью. Одновременно драма, развёртывающаяся на стадионе, порождает у массового зрителя веру в то, что индивидуальная и коллективная борьба за победу не тщетна¹⁹. Политическая риторика активно использовала

Рис. 3. Бывшее Управление православной церкви (ул. Кирова, 6), в народной топонимике — «Дом Форда». Фото автора 2004 года

ры, а здание церкви Св. Иоанна Предтечи во дворе Православного управления (дом 6-а по улице Кирова, больше известный горожанам как «Дом Форда», рис. 3) было отдано кинопрокату. Правда, каменная церковь в самом центре города, построенная в 1873 году на пожертвования купцов братьев Елисеевых и большую часть своей истории называвшаяся Петропавловской (Святых Апостолов Петра и Павла), а в 1943 году переименованная во имя Николая Чудотворца, уже с 1946 года стала одним из немногих в Карелии действующих православных храмов. В целом же советский период можно характеризовать как возвращение магической эпохи, о чём речь впереди.

Песенные праздники финской Sortавалы, расцвет которых приходится на период национально-государственного подъёма, восходят к мифо-ритуальной поэтике эпоса «Калевала» и являются аналогом хорового искусства античного театра. На нынешних праздниках города больше звучит эстрадная песня, выступают народные танцевальные коллективы. Хороводы на сцене сегодняшнего певческого поля — тоже культурная переключка, но с древней хореей. Что касается ду-

ховной жизни, то возобновилось сосуществование двух христианских конфессий. В 1990-е годы финны построили в Sortавале здание лютеранской церкви, с тех пор в городе наряду с православной существует небольшая лютеранская община.

Большой интерес к древнейшим каменным храмам Финляндии проявлял Н. К. Рерих. Их особенность — в настенной живописи: её фантастические орнаменты, птицы и звери напоминают, по мнению художника, наскальные рисунки Севера²⁴. То есть можно проследить, как языческое искусство органично вживалось в христианское. Взаимопроникновение и связь культур и религий всегда были в центре внимания мастера. К сожалению, в Sortавале подобных храмов нет, но их аналогом выступает светская архитектура города (рис. 4). Вот что по этому поводу пишет известный карельский поэт и философ Юрий Линник²⁵:

Рис. 4. Изображение Мирового Древа на здании «Дом Леандера» (ул. Карельская, 13/1). Фото автора 2008 года

«Финский модерн я воспринимаю как новую манифестацию тех же архетипов, которые лежат в основе калевальских рун — порой фасады его зданий символически воспроизводят трёхуровневую модель мира, характерную для финно-угров; линии и объёмы вовлечены в метаморфозы, чья поэтика напоминает мифические превращения; декор отражает образы флоры и фауны, овеянные древним анимизмом и тотемизмом. <...> С фасада сортавальского дома на нас может смотреть Мировое Дерево... По его стволу шаман-вещун проникает и в мир мёртвых, и в мир богов. Существует мнение, что кантеле — алломорф²⁶ Мирового Дерева. Магическое, кудесническое!»

Мост

В этой части статьи метаобраз «мост» отождествляется с реально существующим городским мостом Сортавалы. Образ моста — один из важнейших в хронотопе изучаемой территории. Он связан также с вводимым в статью образом «термин», означающим границу. По Д. Н. Замятину, такие геополитические образы, как Россия-Евразия или Скандовизантия, отсылают к архетипу «моста» или «страны-моста». Они отражают интенсивное международное политическое и культурное взаимодействие, длившееся несколько веков на территории современной России²⁷ и носившее в разное время различный характер.

Если говорить о Северном Приладожье, то поначалу это был регион, через который проходил знаменитый путь из варяг в греки, то есть оно экономически и культурно связывало народы. Но затем оно стало пространством экспансии и борьбы за сферы международного влияния. Один из инструментов такого влияния — политика идентичности или конструирование национального самосознания. Этот процесс мы и наблюдаем в Сортавале с конца XIX века, когда в Финляндии проявилось стремление к государственной независимости. Почувствовав подъём национализма и усиление лютеранства в регионе, российская православная церковь постаралась в начале XX века отстаивать свои позиции, в частности, направила усилия на то, чтобы карелы учили русский язык. В свою очередь, после получения независимости в 1917 году политическая элита Финляндии обратила особое внимание на свои восточные территории, наиболее отсталые в экономическом и культурном отношении. Была поставлена задача «подтянуть» их до уровня развитых регионов страны; не менее важными считались ослабление традиционной тяги карелов к России и их финнизация. Сортавала была одним из центров осуществления

этой стратегии. Превращение её в индустриальный, культурный и образовательный центр имело своей задачей усилить и ускорить финнизацию восточной приграничной периферии; на границе с СССР Финляндия хотела иметь профински настроенное население.

Эта политика идентичности достигла своих целей — карелы влились в финскую нацию, что сопровождалось в значительной мере потерей ими своей самобытности, культуры и языка. Как считает К. Хейкинэн, начиная с 1917 года происходил процесс стремительной ассимиляции карелов, превращения их в финнов²⁸. Советский проект конструирования идентичности, как известно, основывался на идеологических принципах. Так, по крайней мере, он выглядит с точки зрения официального дискурса. Начиная с 1944 года местные акторы в Сортавале воспроизводили риторику центральной элиты, артикулируя задачи формирования коммунистического мировоззрения, сознания, морали и т. д. Финскому государству было необходимо «переварить» лишь одну этническую группу, советские институты власти имели дело с мультикультурным многонациональным сообществом мигрантов, из которого следовало сформировать «советского человека». Но в обоих случаях политика по конструированию идентичности сталкивалась со схожими задачами.

Можно предположить, что жители предвоенной Сортавалы и мигранты 1940—1950-х годов не имели между собой ничего общего. Это не совсем так. У тех и у других было сознание жителей периферийной приграничной территории. У жителей Восточной Финляндии первой трети XX века оно было консервативным, традиционным, характерным для отсталых аграрных районов, поскольку жизнь в небольших городах не так уж сильно отличалась от быта и нравов деревень, описанных в произведениях Майю Лассила²⁹. Значительная масса переселенцев советского периода тоже имела сельский менталитет. Трудно говорить о сохранении традиций и устоев в условиях догоняющей сталинской модернизации, когда вся страна превратилась в «плавильный котел». Тем не менее, как свидетельствуют воспоминания очевидцев, и по языку, и по обычаям мигранты 1940-х годов не были однородной массой, сохраняли культурные отличия и связи с местами предыдущего проживания. Со сменой поколений происходила, с одной стороны, социализация мигрантов как горожан, ощущающих принадлежность к данному месту, с другой — постепенное стирание национальных и культурных различий между ними.

Таким образом, и в довоенный, и послевоенный период надо было сформировать в Северном Приладожье идентичность местного населения, гомогенную общенациональному самосознанию: сначала фин-

скую, потом советскую. Из содержания статьи может сложиться впечатление, будто из-за закрытости пограничного района активность в этом отношении советских властей не была столь высокой, как у властей финских. Однако это не так: примеры созданных в советское время Сортавальского мебельно-лыжного комбината (градообразующее предприятие!), швейного производства и т. д. показывают, что лёгкая промышленность в Сортавале в послевоенный период развивалась достаточно динамично, благодаря чему обеспечивалось первое условие прочной «советизации» края — его интеграция в единый народнохозяйственный комплекс. Кроме того, в 1970-е годы в ответ на постановление Совмина СССР «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству населенных пунктов пограничных районов Карельской АССР» республиканским правительством была намечена программа развития Северного Приладожья, на неё были выделены значительные средства. Правда, осуществлялась она с большим трудом, что объяснялось, в частности, нехваткой рабочей силы³⁰.

Карельский мост. Одним из символов прогресса и модернизации региона в первой трети XX века стал Карельский мост. Построенный в 1931 году, он был тогда самым длинным в Финляндии. Он покоится на мощных быках, сложенных из больших блоков местного серого камня (рис. 5). Мост соединил старую и новую части города. Сортавала стоит на озере, своей Сены, Темзы или Невы здесь нет. Но их функцию выполняет залив Вакколаhti, через который и перекинут Карельский мост.

Рис. 5. Карельский мост. Фото 1930-х годов. Источник: <http://heninen.net/show.cgi?L=0&F=sortavala&P=k19>

И идея залива как заменителя великой реки не так уж и далека от истины — приезжие часто спрашивают: «А что это за река?» Реаль-

ный залив превращается в воображаемую реку воображаемого городского ландшафта.

На Карельском мосту сошлись пути многих этнических групп и национальностей бывшего Союза. В послевоенной Сортавале связующим звеном между прошлым и настоящим — между финским и советским культурными пространствами — было сообщество североамериканских финнов и финнов-эмигрантов. То была небольшая, но заметная в городе национальная группа, для них финский язык и культура Финляндии были родными, они способствовали их поддержке³¹. По Карельскому мосту шагали также белорусы и татары, вологжане и сибиряки. Из потомков первых мигрантов была создана сортавальская модель советского человека. Но и в последние годы имидж города как мультикультурного сообщества не исчез. После землетрясения в Спитаке здесь появилась трудолюбивая армянская диаспора, живут азербайджанцы, представители других национальностей.

Когда-то мост был задуман как транспортная магистраль, которая способствовала бы развитию города в южном направлении, экспансии городской среды на территории, занятые сельскохозяйственными угодьями. Сегодня это центр культурно-географической среды Сортавалы. При всей важности центральной площади Кирова (площадь Петра и Павла в финское время) не она является символом, объединяющим город. Площадь с памятником рунопевцу отражает лишь одну, хотя и важную, сторону культурного ландшафта — связь с духовным наследием карельского народа. Кульминационный же, узловый гуманитарно-географический образ Сортавалы — её главный мост. Он служит доминантным элементом городского ландшафта, связующим звеном и в прямом смысле слова (объединяет важнейшие части города), и в символическом плане³². Он связывает прошлое и настоящее города, без него Сортавалу трудно представить, с него открывается вид на водный простор залива и на вершины окружающих город скал. То есть именно с него внимание путешественника лучше всего фокусируется на уникальном природно-архитектурном комплексе Сортавалы.

Во время войны мост был частично разрушен. Для Сортавалы этот факт имеет знаковый смысл — символизирует распад связи времен. Последующее, растянувшееся на десятилетия, забвение предвоенной истории города воплотило этот распад в хронотопе.

В Сортавале и окрестностях есть и другие мосты — автомобильные и железнодорожные, такие, как мост через живописную реку Тохма в Хелюля. Есть мосты, ведущие от города к окружающим его

островам, например, понтонный мост на Риеккалансаари. Раньше там ходил паром, и путники, беря деревянные рычаги в руки, сами приводили его в движение. Старожилы до сих пор говорят про остров Риекка, что он «за паромом». Забавный деревянный мост соединял материк с островом Куккасаари — любимым местом отдыха горожан. Сооружён он был из наполовину отбитых почерневших досок. Когда на закате по нему проходили коровы, пасшиеся днём на острове, казалось, что мостик раскачивается в такт их неторопливой походке...

Вообще сортавальские окраины производят впечатление сельской идиллии. Их вполне могли бы воспеть Феокрит или Вергилий. А район Военного городка³³ (в финское время Пуйккола) или местечко, известное как Тункула³⁴, чем-то напоминают полотна Шагала. Только в его стилистике можно передать колорит этих мест. Там в послевоенные годы среди финских домиков, прилепившихся к скалам, копошились в почти вертикально расположенных огородах бывшие белорусские крестьяне. Их детишки бегали по каменным, вылизанным ледником дворам между сушившимися простынями. Там же гуляли козы, а утро начиналось с петушиных криков. Впрочем, до войны эти районы, думаю, больше напоминали финский город Савонлинна, с его разноцветными деревянными домиками на возвышенностях. Но со временем их аналоги в Сортавале темнели, заборы становились кривыми, и всё стало напоминать витебские мотивы на знаменитых картинах.

Карельский мост осуществлял «смычку» города и деревни. Из пасторального пейзажа южных окраин города, где-нибудь в районе улицы Холмистая, пешеход, перейдя мост, неожиданно попадает в сугубо урбанистический европейский ландшафт образца 1920—1930-х годов — с тем чтобы, пройдя далее по сохранившей своё финское название центральной улице Карельской, вновь очутиться в буколическом пространстве улицы Фанерной на северо-востоке города, где в 1940-е годы колосились злаковые, а в 1960-е синели васильки. Самое интересное, что этот бахтинский идиллический хронотоп³⁵ в значительной мере существует и поныне: люди так же сажают картошку и ведут неторопливый, почти сельский образ жизни.

По Карельскому мосту можно попасть из художественно совершенного культурного ландшафта в безобразный... В развитии любого города неизбежны утраты, чем-то всегда приходится жертвовать, и это отражается в его хронотопе. Однако потери послевоенной Сортавалы, к сожалению, чаще всего объясняются элементарной бесхозяйственностью и безразличием людей к месту. Происходил процесс геокультурной энтропии. Если обратиться к представлениям о взаимо-

отношениях пространства и времени, сложившимся в мировоззрении русского космизма, то можно сказать, что в этот период люди прекратили борьбу с Хроносом для защиты прекрасного пространства-мира, созданного предшествующими поколениями. Развивая идеи Павла Флоренского и некоторых других русских мыслителей, Лев Гумилёв определял искусство как подвиг человечества в борьбе с Хроносом. Он считал, что искусство перекидывает мост между живой и неживой природой³⁶. Многие здания, построенные финскими зодчими в Сортавале, являются подлинными произведениями искусства и олицетворяют подвиг, о котором пишет Гумилёв. Нельзя говорить о полном забвении этого подвига, поскольку местные журналисты и краеведы пытаются сохранить уникальную городскую среду. Однако у городского сообщества в целом готовности к повторению или продолжению подвига, к сожалению, пока нет.

Крест. Из всех возможных прочтений символа креста здесь выбрана его интерпретация как перекрёстка мировых культур, едва ли не в каждой из которых эта древнейшая идеограмма так или иначе представлена³⁷. Рерих называл Приладожье «великим северным перепутьем». Однако начнём мы с того, как этот символ выражен в тектонике региона.

Во-первых, ледник оставил поразительно красивые следы своего присутствия — ладожские шхеры. Во-вторых, в ходе компенсационного движения земной коры Северное Приладожье постепенно поднималось, и его общее повышение в послеледниковый период оценивается в 70 метров³⁸. Эти глубинные процессы наложили отпечаток на ландшафт и позволяют характеризовать город как место соединения тектонических структур, представляющих собой части земной коры, — Балтийского кристаллического щита и Русской платформы. Поэтому пограничным регионом и мировым перекрестком Северное Приладожье может быть названо уже на фундаментальном геологическом уровне.

Под Сортавалой лежит Ристиярви («Крестовое озеро»), одно из мест, где, с точки зрения геологии, произошел аномальный, катастрофический обвал скал³⁹. Географ Анатолий Лукашев обнаружил на этой территории около 80 участков со следами землетрясений силой от 5 до 8 баллов. Что касается собственно Крестового озера, то там под отвесным десятиметровым обрывом скалы начинается россыпь гигантских глыб объёмом 50—300 куб. метров высотой с двух- и трехэтажный дом. Она образовалась несколько тысяч лет назад в результате мощного землетрясения. Само озеро представляет собой крестообразной формы водный бассейн на месте крест-накрест расположенных разломов земной тверди⁴⁰.

Топонимы со словом *risti* (крест) встречаются в Северном Приладожье довольно часто: Ристисаари, Ристилаhti, Ристиниеми, Ристивуори, Ристикиви, Ристикаллио. По мнению краеведов, те из них, что относятся к местам вдоль береговой линии, остались в память о стоявших когда-то там крестах, использовавшихся в качестве навигационных знаков. На других, удалённых от берега, были межевые камни, на которых часто изображали крест. Как считают историки, некоторые из этих камней в языческие времена были жертвенными, а появление на них креста знаменует приход христианства⁴¹.

Герб города относится к середине XVII века, времени основания шведского Сортавальского графства, и сохранился почти в неизменном виде и в период независимости Финляндии. Более того, уже на излете советской эпохи, в конце 1991 года тот же герб был утверждён Сортавальским горсоветом (рис. 6)⁴².

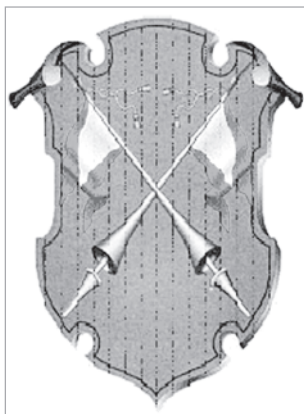

Рис. 6. Герб города Сортавала.

Источник: <http://heninen.net/sortavala/historia/>

Изображены на нём два скрещённых рыцарских копия с флагами. Прямой связи с рыцарскими турнирами в данном случае быть не может, так как в Сортавале их не проводили. Что же в таком случае символизирует герб? Так как у города богатое боевое прошлое, военная символика в любом случае оправданна; однако скрещённые копия могут обозначать также образ города-перекрёстка.

В том числе — перекрёстка торговых путей. Ибо торговля издавна имела важное значение для Северного Приладожья. В первой половине XIX века местные купцы на парусных судах вывозили из

Санкт-Петербурга муку, крупу, чай и некоторые промышленные товары. В столицу, а также в Выборг сбывались местные товары: продукты питания, меха, камень. Причём вывоз превышал ввоз на значительную сумму⁴³. Открытие в 1856 году Сайменского канала неблагоприятно отразилось на экономике города, так как товарный поток из Петербурга и обратно из Финляндии устремился через Выборг. А вот строительство в 1894 году железной дороги Выборг — Сортавала — Йоэнсуу сыграло для города положительную роль. Железнодорожная станция, как в прежнее финское время, так и позже, в советское, тоже символизировала город-перекрёсток. К сожалению, сортавальский деревянный вокзал, построенный при финнах, был уничтожен во время войны. Его функцию вплоть до последнего времени выполняло другое привокзальное здание⁴⁴. Сейчас оно снесено, и в самом начале платформы со стороны Петербурга выстроено новое высокое здание вокзала из красного кирпича.

Несмотря на административное подчинение республиканской столице Петрозаводску, центром притяжения для Сортавалы всегда был Санкт-Петербург / Ленинград. Так сложилось исторически и географически. Город стал бурно развиваться в XX веке во многом благодаря активным торговым связям с Петербургом. Расположение железных дорог таково, что делает посещение северной столицы жителем Сортавалы неизбежным, в какой бы конец страны он не направлялся. При желании Сортавалу можно назвать пригородом Петербурга. А для жителя Петербурга Сортавала — перекрёсток, откуда открываются пути к достопримечательностям Севера — Кижам и Соловкам. Посещающие Валаам уж тем более заглядывают в Сортавалу, как некогда сделал Александр Дюма, проследовавший этим маршрутом в XIX веке и оставивший о нём путевые заметки. Экономические связи с городом на Неве имеют место и сегодня.

Для финских учёных район Сортавалы — место, где встречаются Запад и Восток, для финнов вообще русские — соседи с Востока. Бывшая их территория, Сортавала, теперь для них тоже «Восток». Речь в данном случае, конечно, идёт не о традиционной географии, а о цивилизационном, культурном и геополитическом измерении пространства. Ведь и для россиян встреча с Западом начинается на Вяртсильском пограничном переходе.

В современной научной литературе много и порой нетрадиционно пишется о Севере, его роли в истории и культуре России⁴⁵. К Сортавале это имеет прямое отношение. Характеристика района как северного культурного ландшафта весьма важна и актуальна. Всё, что писали, предположим, русские классики о Финляндии, в полной мере

можно отнести к Сортавалу, территория её правомерно включается в Русский Север, благо все атрибуты севера вроде бы налицо. Но вот финны почему-то упорно именовали Сортавалу «финской Ривьерой» и «Карельской Швейцарией». Один из самых распространённых в Финляндии образов этого места — «Белый город». И в самом деле, белые каменные дома доминируют в Сортавале. При финнах Сортавала была городом-курортом, а в советское время, даже будучи закрытым пограничным городом, привлекала туристов со всего Союза. В летний день, когда над городом простирается голубое небо, отражающееся в заливе с его белыми кораблями, воображение рисует южный портовый город. В старинных документах говорилось об островах «перед входом в гавань города Сердоболя», современные фотоальбомы рассказывают о «морском» фасаде города, который открывается путешественнику, начинающему знакомиться с Сортавалой по водному пути⁴⁶. Некоторые памятники зодчества связаны с морской тематикой, например здание в стиле неоклассицизма, построенное в 1926 году на пересечении нынешних улиц Суворова и Ленина. Над оконными проемами второго этажа можно увидеть барельефы, на одном из которых изображена восьмиконечная звезда над стилизованными волнами, на другом — плывущий по волнам парусник. Другой пример — помещение ресторана, примыкающее к зданию Восточно-Карельского кооператива по улице Карельской. Оба здания представляют собой единый комплекс, выстроенный в 1939 году. У ресторана есть терраса с видом на набережную и залив, а его цокольный этаж, как полагают местные краеведы, напоминает силуэт корабля⁴⁷. Эта символика не случайна — порождена Ладогой с её бесконечными «морскими» просторами.

Знаковым для Сортавалы как культурного перекрёстка мира стало имя художника и мыслителя Николая Рериха. Рерих прожил здесь с конца 1916 по 1918 год, занимаясь живописью и литературным трудом. Здесь укрепился его интерес к Северу, сблизивший его с Акселем Галлен-Каллелой и другими финскими друзьями, представителями «национального романтизма». И здесь же усилилось его влечение к восточной философско-религиозной мысли, к Индии⁴⁸. В Сортавале часто проводятся выставки художников, считающихся учениками Рериха; с идеей создания в городе его музея неоднократно выступал поэт и философ Юрий Линник; последователи учения Николая Рериха инициировали создание региональной природоохранной организации «Свет Ладogi», базирующейся на острове Тулола, где он жил; музей Северного Приладожья не раз посвящал его творчеству свои экспозиции.

Николай Рерих может быть отнесен к сортавальским «гениям места» в персонифицированном смысле этого понятия — как выдающийся мыслитель и художник, создавший в своём творчестве неповторимый образ места. Хотя есть свидетельства, что, несмотря на близость к некоторым представителям интеллигенции Сортавалы, художник ощущал культурную периферийность города. В центре его внимания было Северное Приладожье как олицетворение Севера и мировоззренческих установок, обусловленных символизмом и космизмом его мышления. Данную сторону его творчества отражают написанные в Сортавале в традиционной рериховской манере картины, передающие суровую мощь ладожской природы. Но мне ближе некоторые тёплые, проникнутые духом места пейзажи окрестностей города, такие, как работа 1917 года «Юхинлахти».

Еще один *genius loci* — это художник К. А. Гоголев, чьи работы представлены на постоянной выставке в выделенном ему здании по ул. Комсомольской в центре Сортавалы (там же находится его мастерская). Гоголев — выдающийся мастер, чья резьба по дереву укоренена в русском народном лубке, и всё, что он изображает — Сортавала, Петрозаводск или Валаам — имеет глубоко русский национальный характер. Вместе с тем, по собственному признанию художника, большое влияние на его искусство оказала «Калевала». В этом смысле его творчество, тяготеющее к архаичности, может считаться символическим мостом в прошлое, во времена, когда между древними карелами и русскими устанавливались тесные культурные контакты. Другой вопрос, насколько в эстетику Гоголева вписывается приданный Сортавале в 1920—1930-е годы облик современного западного города...

В самом центре Сортавалы финнами было устроено братское захоронение солдат, погибших в 1939—1944 годах. По решению нового руководства Сортавалы его снесли в первые же годы советского периода. В 1993 году на этом месте был установлен ещё один крест — гранитный Крест памяти.

Термин. В Древнем Риме существовал культ *терминов* — пограничных камней. На Капитолийском холме стоял Термин, символизовавший нерушимость римских границ. Был также учреждён праздник Терминалий, напоминавший о смысле границы, заключавшемся в том, что справедливое разделение территорий ведёт к добрососедству, а разделение труда — к удаче в общем деле. Терминация означала не только установление границ, но и их преодоление. Во многих культурах граница имела сакральное значение: антропологи описали народные обряды, связанные с границей и часто совершавшиеся на ней. Один из излюбленных сюжетов в мировой мифологии — грани-

ца между миром живых и миром мёртвых. Обычно эта роль отводится рекам нижнего мира; в «Калевале» — чёрной реке смерти подземного царства Туони. Но всё же в первую очередь слово «граница» соотносится в сознании с границей государства. Причём, обнаруживая значительную преемственность, дискурс государственной границы демонстрирует и различия, обусловленные контекстом того или иного периода. Для советского общественного сознания приграничье — это территория, разделяющая две системы, для постсоветского — скорее контактная зона; при сохранении актуальности таких советских оборотов как «граница на замке» и при воспроизведении риторического тезиса о «нерушимости границ» новый, гораздо более свободный пограничный режим способствует видению пограничной территории как пространства, связующего страны и народы.

Сортавала, как уже сказано, издавна была пограничным регионом. Но, видимо, никогда в своей истории она не была настолько пограничной, как в почти полувековой советский период. Образ пограничного города очень отчётливо проявлялся именно в это время, особенно на перроне железнодорожного вокзала, где приезжающих встречали вооруженные пограничники с овчарками. Без специального разрешения сюда не могли попасть даже выросшие здесь люди, уехавшие на учёбу в другой город. Для жителей Сортавалы первых послевоенных десятилетий граница была мифологизирована и имела исключительно символическое значение — хотя бы потому, что, проживая рядом с ней, большинство горожан имели о ней лишь теоретическое представление, как, впрочем, и о живших за ней финнах.

Постсоветский дискурс границы свидетельствует о её демифологизации. Режим работы пограничного перехода Вяртсиля — Ниирала значительно облегчён, трансграничные контакты усилились. Ежегодно границу Карелии и Финляндии пересекает около 1 млн человек. Из этого потока 90 % пропускает Сортавальская таможня⁴⁹. Возник новый для региона феномен, именуемый в международной научной литературе *cross-border interaction* — трансграничное взаимодействие. С одной стороны, оно имеет официальное измерение — сотрудничество на уровне финских приграничных коммун и местных администраций российских населённых пунктов; с другой — расширяются повседневные индивидуальные связи. Теперь поездки за покупками или для отдыха в Финляндию — обычное дело для жителей Сортавалы. В их «микро-перспективе» Питер и Финляндия становятся конкурирующими центрами, частные лица и представители малого бизнеса рассматривают их как места деловых связей, развлечений и получения образования. Эксперты на основании проводимых ими

опросов приходят к парадоксальным выводам: суммы, которые жители Сортавалы тратят во время поездок в Финляндию (12—13 млн евро в год), значительно превышают местный экономический потенциал, официально признанную покупательную способность населения⁵⁰. Это усиливает дисбаланс в социальной сфере, обогащение узкой группы жителей города, ведёт к осложнению криминальной обстановки и росту преступности в некогда спокойном регионе.

Лабиринт

Образ лабиринта⁵¹ в пространственно-географической символике Сортавалы создаётся прежде всего ладожским побережьем. Путешествие по району шхер то и дело заканчивается тупиками многочисленных заливов. Но и выход из этого лабиринта, протянувшегося вдоль высоких скалистых берегов и островов, не гарантирует от встречи с Минотавром, ибо Ладога — один из самых опасных и непредсказуемых водоёмов. Она известна своим крутым нравом и способна в одночасье превращаться из милого домашнего животного в чудовище. Дракон, вышедший из лабиринта, — это образ Ладоги в бурю.

Народы Севера использовали форму лабиринта для погребального обряда. Николай Рерих в статье, посвящённой древним финским храмам, писал о раскинутых по холмам затейливых, непонятных каменных лабиринтах, свидетелях «незапамятных» обрядов. В воображении художника там всё ещё звучало кантеле. Тема лабиринта находит отражение и в некоторых полотнах мастера⁵².

Путешествие по шхерам напоминает прогулку по созданной природой Венеции: лодка часто движется мимо отвесных скал, и эти природные «особняки» поражают не меньше рукотворных. Впрочем, бум лодочных поездок приходится на прошлое — на 1960-е, когда каждый уважающий себя горожанин имел моторку. Кроме рыбалки, плавали за ягодами и грибами на острова и просто на семейный отдых. Затем начался другой бум — дачный, и число владельцев катеров стало сокращаться. Когда-то лодочная стоянка, примыкавшая к железнодорожной насыпи на Вакколахти, почти перекрывала залив. Теперь от неё остались торчащие сваи, словно местная Венеция ушла на дно.

Вся страна в эпоху перемен совершает некое путешествие. Гребенщиков ёмко назвал его путешествием из Калинина в Тверь. Ясно, что путём простого переименования ни местным жителям, ни путешественникам не попасть в новое культурное пространство. Но ясно

и другое: сложный и неуклюжий разворот общественной системы постепенно меняет облик городской среды. Многие населённые пункты обретают черты «европейскости». Хотя большинство из них всё ещё представляет собой символический лабиринт, двигаясь по которому то и дело натыкаешься на тупики, появившиеся в соответствии с советскими представлениями об организации городского пространства. И, боюсь, выхода из этого лабиринта пока не видят даже те, кто разрабатывает генпланы, ибо европейский город — это не только соответствующая архитектура, но и традиции, и метод планирования пространства, включённость проектирования в муниципальный менеджмент⁵³. Играет роль и степень развитости местного самоуправления. Во многих европейских странах локальные сообщества сами решают, как им жить, что и как строить.

Если Кёнигсберг, по мнению А. Н. Попадина, — подсознание Калининграда, то историческое *alter ego* Сортавалы — это Сердоболь. Магия поэзии Б. Ахмадулиной⁵⁴ связывает их в одно целое: «*Дождит, и отзовется Сортавала, / Коли её окликнешь: Сердоболь*». В реальности же их сосуществование не столь гармонично. Не переименован город был не оттого, что новым хозяевам нравилось его финское имя (в Ленинградской области были переименованы все отошедшие к СССР населённые пункты). Просто республика на момент присоединения Сортавалы была союзной Карело-Финской, затем стала автономной Карельской, но в обоих случаях считалась национальной. Переименовывать с финского языка на финский не стали. Сейчас время от времени раздаются предложения вернуться к историческому русскому названию. Оно и вправду очень красиво, но, на мой взгляд, не соответствует стилистике созданного финнами городского ландшафта. Шагающий по Сердоболу гражданин неизменно будет окружен аурой Сортавалы. Целые кварталы вокруг Никольской церкви, воплощающей в себе «сердобольское» начало, выстроены в «сортавальском» духе. Жилые районы, возведённые в хрущёвские и брежневские времена, тоже не «сердобольные» — среда явно советская. Основной массив новых «спальных» жилых районов с многоэтажками, к счастью, строился в стороне от центра и ведущих к нему магистралей и не очень бросается в глаза путешественника. Тем не менее, с эстетической точки зрения, это не лучшая часть хронотопа Сортавалы.

Повторюсь: советские лабиринты города имели много тупиков. Это, например, места расположения пограничного гарнизона — район, вплотную примыкающий к ладожскому заливу, недоступный для фланёра и путешественника. То же можно сказать о значительных

площадях, занятых под промышленные объекты. Некоторые из них находятся опять-таки вблизи ладожского берега, но с другой стороны залива. Всё это сильно затрудняет передвижение вдоль побережья в городской черте. Судя по газетному материалу⁵⁵, перенести промышленную зону в более отдалённые районы города предлагали с 1960-х годов. Но лишь в самое последнее время предприняты меры к созданию городской набережной с восточной стороны мыса, на котором находится пристань: снесены «украшавшие» водный фасад города убогие сараи-зернохранилища. Раньше этот участок, окружённый высоким серым забором, упирался углом в берег, и, проходя мимо него, можно было видеть огромных крыс, бегавших по двору. Однако до достойного оформления набережной ещё далеко. Предложенный недавно проект строительства гостиницы в этом месте встретил неоднозначную оценку местного сообщества.

Российская городская среда как бы воспроизводит политическую систему: мэрия и другие властные структуры всегда находятся в центре; центральная часть города, как правило, ухожена и чиста; об окраинах такого чаще всего не скажешь. В этом отличие нашей концепции (если она вообще существует) и практики развития городского пространства от западной, где центр и периферия в равной степени оказываются предметом заботы муниципалитета. Советская и постсоветская Сортавала — не исключение. Чем дальше от центра путник следует по лабиринтам улиц, тем более заброшенной выглядит городская среда⁵⁶. Централизованная модель общественной системы, запечатлённая в сознании горожан, проецируется на реалии их повседневной жизни. Российские «коридоры власти» могут быть уподоблены коридорам лабиринта в рассказе Борхеса⁵⁷: по ним политическая элита стремится попасть в единственную комнату с «сокровищем-властью», тогда как периферийные круги коридоров остаются вне поля её внимания.

Новый поворот сортавальского хронотопа-лабиринта обозначился в последнее десятилетие. На окраинах на месте советских щитовых бараков появляются коттеджи с сопутствующей инфраструктурой. Эти относительно небольшие пока вкрапления в какой-то мере выравнивают пространственные образы постсоветской Сортавалы и страны, куда мигрировали её бывшие жители: частные дома построены по технологии, используемой в Финляндии. Материально благополучная часть населения предпочитает в частном домостроении копировать зарубежные образцы, а не идти своим путём, то же касается некоторых зданий новой торговой инфраструктуры. Видимо, те, кто строят по финским образцам, чаще бывают у сосе-

дей. Есть, однако, часть застройщиков, действующих по старинке: строят с размахом и кто во что горазд. Это создает ситуацию конкуренции, условно говоря, «европейскости» и «азиатчины» в архитектурном ландшафте. Выбор типа частного дома, очевидно, свидетельствует об ориентирах в образе жизни и цивилизационных установках. Некоторые состоятельные люди приобретают бывшие финские деревянные дома в центре и восстанавливают их в первоначальном виде. Но это, увы, единичные случаи. Сложившейся внятной концепции развития города нет.

В хронотопе Сортавалы практически не представлены 1940—1950-е годы с их сталинским «большим» стилем. Исключение когда-то составляла уличная пластика. Стандартные девушки с велом, штангисты и т. д. были призваны эстетически и идеологически «подковывать» жителей. Сохранился лишь один подобный

Рис. 7. Памятник рунопевцу Петри Шемейкке. Установлен в сквере на площади Вьянемейнена. Фото автора 2004 года

объект — на берегу Вакколахти, неподалеку от моста: солдат с автоматом и в плащ-палатке. Зато бронзовый рунопевец, установленный в 1930-е годы на треугольной площади, по-прежнему остается центральным миди-символом городской среды (рис. 7). Прообразом послужил местный сказитель Петри Шемейкка⁵⁸.

Скульптура символизирует прошлое Сортавалы, отражает идеи национального романтизма и мифологию региона, уходящую в глубокие исторические пласты, когда создавались руны «Калевалы». Она выиграла историческое состязание со сталинской пластикой, штампованной для всей страны из некачественного бетона, не только в силу долговечности материала, но и благодаря заложенной в ней символике и эстетической безупречности.

Манускрипт. Любое пространство, но особенно городское, требует своего прочтения. С некоторых пор герменевтика, не ограничиваясь старинными рукописями, выплеснулась на географические просторы. Связь манускрипта и лабиринта очевидна в борхесовском представлении библиотеки как лабиринта. Предложенная И. И. Митиным концепция *палимпсеста*⁵⁹ даёт интересный поворот в случае Сортавалы, где эклектика архитектурной среды — не результат исторического развития, а продукт работы едва ли не одного поколения зодчих. В считанные годы сравнительно новое здание в стиле модерн меняет свой облик на манер функционализма, дома в неоготическом духе вступают в соседство с неоклассической архитектурой. Понятие «старый город» в случае Сортавалы относительно. Почти всю свою историю город был деревянным, старина сохранилась от силы с конца XIX века. А то тут, то там представлены башенками с бойницами и другими стилизованными элементами средневековые мотивы, навеянные идеями эпохи национального романтизма, — не более чем прекрасная «подделка», подобная тем, какие встречаются в древних манускриптах. В данном случае время внутри хронотопа на каком-то этапе оказывалось сжатым, ибо «старый город» был создан в предельно короткие сроки. Хотя генеральный план предусматривал учёт сложившейся городской среды, «нерегулярность» города была сконструирована, а не сформировалась естественным путем.

Таким образом, в случае Сортавалы можно говорить об особом виде палимпсеста, когда образные слои создаются одновременно, а их стилистическая разноплановость — результат сознательного стремления заполнить пустующие исторические ниши⁶⁰. Что-то подчищалось, стиралось; но при этом культурные слои как бы создавались заново, соседствовали с новейшими течениями. Архитектурный псевдоапокриф? Этот тренд в развитии Сортавалы, имевший нацио-

нальную окрашенность, одновременно являлся референцией к общеевропейскому культурному контексту.

Эпоха национального романтизма требовала воссоздания героических страниц истории. Они постепенно открывались и «прочитывались» благодаря активной деятельности археологов. Выяснилось, что период расцвета древней карельской культуры приходится на XII—XV века и представлен многими археологическими памятниками, в том числе поселениями и городищами-убежищами. Иногда последние называют крепостями, так как в Северном Приладожье широко распространены топонимы *linnavuori* и *linnamaki* — гора с крепостью. Как писала известный карельский археолог С. И. Кочкуркина, карельские городища размещались на горах, доминировавших в ландшафте на фоне озёрных шхер⁶¹. Предшественник города городище Паасо на высокой скале вблизи Сортавалы было, как и многие подобные ему в регионе, оборонительным сооружением.

В поисках национальной идентичности финны обратились к народному эпосу «Калевала». В нём искали они истоки своей культуры и духовные силы для национального возрождения. Кстати, и в советский период об эпосе не забывали: организовывали конференции, устанавливали памятные доски, посвященные юбилею первого издания, подготовленного Лёнротом, воспроизводили эпические образы в современном искусстве. В обоих случаях имелся некоторый элемент стилизации, если не имитации. Только в финский период это способствовало созданию неповторимого облика города: романтические мотивы архитектурного модерна возвращали в средневековье, а здания, выполненные в стиле функционализма, придавали городу современный вид и динамизм. Среди наиболее известных архитекторов, стоявших у истоков национального романтизма и проектировавших дома в Сортавале, были Элиель Сааринен и Уно Ульберг. В стиле функционализма плодотворно работал Эрkki Хуттунен.

Подобная архитектурная среда выделяет Сортавалу из значительного числа российских поселений аналогичного масштаба. К ней с трудом применима разработанная Вячеславом Глазычевым концепция *слободизации*, согласно которой большинство небольших российских городов не являются таковыми в европейском понимании⁶². Присутствие Европы в пространственном имидже Сортавалы неоспоримо, Сортавала — не слобода. И всё же слободизация в советский период имела место и здесь. Она в полной мере осуществилась в посёлке-спутнике Хелюля, который и стал рабочей окраиной, то есть слободой. До войны там существовала небольшая мебельная фабри-

ка. На её базе при советской власти вырастает местная гордость социалистической индустрии — Сортавальский мебельно-лыжный комбинат. Он снабжает лыжами не только свою огромную страну, но и поставляет их на экспорт... чуть ли не в Канаду. СМЛК — градообразующее предприятие со всеми вытекающими для окружающего пространства последствиями. Хелюля советских времен (да и сегодня) трудно отличить от тысяч других населённых пунктов, единственным оправданием существования которых было обслуживание индустриального монстра. Поселок застроен домами барачного типа, многие из них выглядят весьма неприглядно. А поскольку он, как и некоторые другие посёлки, находится непосредственно на дороге из Финляндии в Сортавалу и совсем рядом с магистралью граница — Петрозаводск, эта периферия советских и постсоветских времен оказывается «визитной карточкой» Карелии.

К чести советских хозяев Сортавалы следует сказать, что уникальность её архитектурного облика была ими осознана почти сразу после присоединения — в 1940-е годы. В архивных материалах находим призывы к общественности беречь и сохранять доставшееся от «немецко-финских захватчиков» наследство⁶³. Правда, генерального плана развития Сортавалы, который запрещал бы строительство в её центре, ждали долгие годы, и пока ждали, успели много чего понастроить... Лишь в 1990 году Сортавала была включена в список исторических городов РСФСР, стало выявляться и оцениваться её архитектурное наследие. Эксперты определили памятники архитектуры, относящиеся к категории охраняемых государством, а также пришли к выводу, что и здания финской постройки, не вошедшие в эту группу, создают колоритную среду города и должны быть сохранены⁶⁴.

Деревянная Сортавала — особый мир. Она придает городу тепло, уют и романтичность, близка к архетипу дома в понимании Башляра, писавшего, что «в Париже нет домов»⁶⁵. Построенный старательно и с любовью, этот «жилфонд» сохранил «космичность» сельского дома. Отношения жилища и пространства сохраняют здесь естественность и включены в природу. Тепло, излучаемое деревянными домами, — не только метафора. В большинстве из них были кафельные печи — скрытое от глаз путешественника сокровище города. По мнению исследователя деревянной архитектуры Сортавалы В. Р. Рывкина, многие из них уникальны, представляют особую художественную ценность. Им часто отводилась ведущая роль в интерьере. Особенно выразительны цветные изразцовые печи с плоскостным и рельефным орнаментом на изразцах⁶⁶.

Пространство деревянных зданий неразрывно связано с окружающими их дворами, часто имеющими садик. Неизменный атрибут двориков — сушащееся свежевывстиранное белье. Деревянные кварталы — это единый комплекс с неповторимой аурой. Несмотря на предпринимаемые усилия по его сохранению, он стремительно исчезает. Ставшие объектом многих научных исследований дома ветшают. Оставшись без присмотра, они живут по законам природы, естественных циклов бытия — рождение, юность, зрелость, старение, смерть. Это придает городу печальные антропоморфные черты: местный житель, родившийся здесь 60 лет назад и не очень следивший за своим внешним обликом и здоровьем — вот образ нынешней Сортавалы. Прибавим к этому щедро наложенные мазки советской эпохи — «хрущобы» и стандартные коробки брежневского развитого социализма — они дисгармонируют со сложившейся в предвоенные годы Сортавалой.

Мигранты 1940-х годов стали первыми «читателями» культурного пространства Сортавалы. Так появлялись мифы⁶⁷. Интересно, что рождённые в Сортавале легенды, равно как и топонимы советского новояза вроде названий кинотеатров («Заря» и «Родина»), почти буквально повторяют калининградские. То же самое можно сказать о судьбах городской среды, в частности, старинных кладбищ в этих городах⁶⁸. Мест, подобных Сортавале, в СССР было не так много. Кроме Калининграда, — города бывших прибалтийских республик, да на Украине — Львов... Но в некоторых из них местное население продолжало сохранять культурную и историческую память. Сортавала, Выборг и другие населенные пункты, принадлежавшие Финляндии и отошедшие к СССР, уникальны тем, что прежнее население покинуло их в одночасье. С его уходом прервалась память, связующая место с его обитателями. Мигранты не имели корней в Приладожье, многие из них были выходцами с Юга, которым сам Север с его холодом был чужд. Люди ощущали себя непрошенными гостями, Сортавала была для них «чужим местом», горный ландшафт вызывал психологическое отторжение вплоть до боязни. И даже то обстоятельство, что здесь разрушения от боевых действий были минимальными, так что жилые и хозяйственные постройки и административные сооружения достались приезжим почти в полной сохранности, не облегчало процесс адаптации мигрантов. Они зачастую не знали, как обращаться с городской инфраструктурой, отвечавшей тогдашним европейским стандартам, но совсем не вписывавшейся в привычный уклад прежней жизни переселенцев. Совершенно чуждой была им хуторская система расселения. В результате произошло пере-

структурирование пространства жизнедеятельности: гомогенность культурного ландшафта уменьшилась, люди постепенно сконцентрировались в основных населенных пунктах⁶⁹.

В предместьях Сортавалы, на берегах Ладоги, есть два замечательных загородных дома финских времен⁷⁰. Один принадлежал доктору Винтеру, другой — аптекарю Яскеляйнену. Винтер был знаменитым хирургом, образованнейшим человеком, представителем местной интеллигенции. Повезло, однако, даче Яскеляйнена: она стала всесоюзно известным Домом композиторов⁷¹. А вот усадьба Винтера, построенная по проекту самого Сааринена, в советские времена переживала постоянную смену владельцев, что не пошло ей на пользу. При Винтере на приусадебном участке располагался один из городских дендропарков; ныне он заброшен и пришёл в плачевное состояние⁷². В местной народной топонимике загородный дом Винтера именовался «дачей Маннергейма». Видимо, первым мигрантам миф о принадлежности усадьбы бывшему царскому генералу и финляндскому маршалу и президенту казался более правдоподобным.

Рис. 8. Сортавальский «манускрипт»: «Фотография» (фотоателье) — одна из сохранившихся финских надписей. Фото автора 2008 года

Послевоенная Сортавала всё-таки удержала облик города 1920—1930-х годов, чего в самой Финляндии уже и не встретишь. Советская эпоха сыграла тут роль вулканического пепла, законсервиро-

вавшего античные Помпеи и Геркуланум. Финский архитектор Мартти И. Ятинен, защитивший докторскую диссертацию по сортавальскому градостроительству, так и писал⁷³:

«Сортавала — это живой музей городского строительства, в котором широко представлена сохранный с довоенных времен городская среда».

Уцелела даже финская довоенная реклама на стенах каменных зданий, для новых обитателей Сортавалы — одно из загадочных «письменных свидетельств» предшествующей цивилизации (рис. 8). Благодаря качеству финской краски она была неистребима и сосуществовала на равных с коммунистическими лозунгами. В результате стены домов предстают «страницами» рукописи города в самом прямом смысле слова...

Манускрипты, как известно, не горят. Но дома, к сожалению, горят, да ещё как. Пожарами уничтожены многие строения, создававшие архитектурную среду деревянной Сортавалы, огонь не пощадил и некоторые мини- и миди-символьные объекты. В частности, установленная ещё финнами в городском парке курная изба XVIII века была сожжена на рубеже 1970—1980-х годов. Здесь же неподалёку на небольшом скалистом мыске, выходящем на озеро Айранне, финнами была построена замечательная беседка, составлявшая одну из доминант парка. Более того, благодаря органичности и вписанности в природу она являлась одним из символов города. Беседка сгорела примерно в те же годы. Местными энтузиастами она была воссоздана в первоначальном виде, но не простояла и нескольких лет — её опять сожгли. Перевес сил явно на стороне местных пиromanов. Вообще парку в этом смысле особенно не повезло: уже в 1990-е годы сгорело замечательное кафе «Lottakahvila», оставшееся от финских времён.

Сад. Начав своё существование в виде «города-крепости» — городища на горе Паасо — и обретя на определённом этапе развития черты «города-завода», Сортавала вместе с тем издавна формировалась как «город-сад». Согласно старым путеводителям, в начале XX века Сердоболь утопал в зелени садов⁷⁴. Сейчас он в ней окончательно «утонул». В «Яствах земных», где немало вдохновенных поэтичных страниц посвящено садам — садам Италии и Германии, Испании и Алжира, — Андре Жид писал⁷⁵:

«Есть множество маленьких городов с очаровательными садами; можно забыть город, его название, но так хочется снова увидеть сад; и уже не знаешь, куда нужно вернуться».

О Сортавале в её нынешнем состоянии он вряд ли сказал бы такое; но для всех тех, кто считает её своим потеряннным раем, Сортавала — это сад. Поэтика места навеивает ту же метафору и наиболее тонким гостям города. В уже упомянутом сортавальском цикле Б. Ахмадулиной, созданном в Доме творчества композиторов в июне 1987 года, образ сада — один из ведущих. Даже зная, что он вообще характерен для творчества поэтессы, веришь, что сортавальский «сад» оказался ей особенным.

Библейское предание связывает блаженное состояние предистории человечества с садом. Райский сад — это и утраченное некогда счастье, и обещание его обрести в вечной жизни. Для некогда покинувших её финских жителей Сортавала — тем более потеряннный рай, о чём свидетельствует волна ностальгического туризма в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Пожилые люди приходили к фундаментам своих бывших хуторских домов, чтобы взять с собой уцелевшие предметы утвари, а то и просто ржавый гвоздь. Но и потомки переселенцев, родившиеся и выросшие здесь, могут испытывать схожие эмоции, возвращаясь в памяти к своему детству. Что касается первой волны мигрантов, то их устные свидетельства позволяют сделать вывод: наряду с чувством отчуждённости по отношению к новым территориям, стойкими для них стали определения из разряда «райский сад». В самом деле, при описании осваивавшегося ими пространства они использовали такие метафоры как «диво», «сказка» и «рай». В то же время восприятие мигрантами новых территорий основывалось на традиционных познавательных моделях «ухудшения времён» и «потерянного рая», характерных для русской крестьянской нарративной традиции. Рай, обретённый в первые годы жизни на новом месте, постепенно стал разрушаться, а само место конституировалось в соответствии с представлениями о непрерывности и преемственности «рая потерянного»⁷⁶.

Впервые выдвинутая в качестве особой градостроительной концепции в 1898 году⁷⁷ концепция города-сада имеет глубокие и давние культурно-исторические основания. Чудесные сады Семирамиды и поэтические сады Шираза так или иначе отражали мировоззрение их создателей. Китайский сад — символическое воспроизведение реальности: проходя по его дорожкам, человек как бы переживает этапы своей жизни; к концу пути перед ним открывается полная картина бытия; тропинки сада превращаются в коридоры лабиринта жизни. Садовый стиль Японии «Дзёдо» запечатлел в камне и растениях даосский и буддийский символизм. Все эти сады — модели Рая⁷⁸. Европейский вклад в садово-парковое искусство тоже выражал

философию и социально-политические реалии своего времени. Французский регулярный парк и ландшафтные парки Англии были пространственным отражением европейской идеи «города-сада», а сама она увязывала усовершенствование окружающей среды с изменением природы человека. Ключевыми здесь являются слова Вольтера: «Будем заботиться о нашем счастье, пойдёмте возделывать свой сад»⁷⁹. Именно в призыве исполнять достойно свои обязанности в этом мире и заключается суть европейской концепции города-сада.

«В мифопоэтической и провиденциальной перспективе, — пишет В. Н. Топоров, — город возникает, когда человек был изгнан из рая»⁸⁰. С. А. Смирнов видит причину неблагоприятной организации городской среды в отсутствии идеи города, которая бы способствовала росту личности. Этому городу-идее он противопоставляет эмпирический город, относя появление последнего ко времени изгнания из рая. Возводя Град Божий в себе, человек вернёт гармонию взаимоотношений с окружающим миром⁸¹. Сортавала прошла полный культурный цикл развития идеи города в рамках западной цивилизационной модели и в один прекрасный день перешла к воплощению российской модели, которая, по Смирнову, «инвалидна и уродлива». Попытка же возобновить прерванный путь, согласно этой логике, бесперспективна. К счастью, горожане об этом не догадываются...

Концепция «города-сада» понадобилась Сортавале в первой трети XX века для противодействия бурному промышленному освоению городского пространства. Важнейшим элементом идеи города для финнов было достижение максимально гармоничных взаимоотношений человека и окружающей среды. В советское время идея города была абстрактной, не привязанной к конкретному месту. Можно сказать, что и финны, и советские люди строили рай на Земле — но вторые в рамках коммунистической этики, первые — в рамках лютеранской. Какая более эффективна — сегодня очевидно. Если Финляндия видела в Сортавале один из центров развития своей национальной идентичности, то в «стране Утопии» любая территория была равнозначна другой. Референции в местной культурной деятельности к национальной карельской культуре отдавали «музейностью», главной формой этой деятельности стала так называемая художественная самодеятельность. В постсоветскую эпоху усиливается интерес к истории города со стороны краеведов и рядовых жителей, что свидетельствует о появлении ростков местной идентичности, которая зиждется на идее памяти и идее места⁸².

Уже упоминавшийся Скотт Смайли как географ изучает городские парки США (“public gardens”), основываясь на концепции по-

этики места. Он выделяет такие свойства городского сквера, как форма и фактура, цвет и свет, исторические и культурные ассоциации. В зависимости от их природы и стилистического оформления городские сады предоставляют нам множество поэтических впечатлений, наполненных разными смыслами, среди которых — пространственность и интимность, сосредоточение и/или рассеяние внимания, исторические и культурные ассоциации, внутренние и внешние контексты. Сады дарят способность к ориентации, чувство движения, осязательный опыт, телесную вовлеченность... Эти поэтические качества места, считает Смайли, создают уникальный опыт при встрече с садом⁸³. Сортавальский городской парк Ваккосалми вполне заслуживает аналогичного подхода. Заложенное в 1870-м году место отдыха горожан признано памятником ландшафтной архитектуры. На южном склоне горы Кухавуори расположена бывшая городская больница, похожая скорее на старинный белый замок. Пройдя мимо неё, можно подняться на высшую точку города — на вершину горы. С неё открывается панорама Сортавалы и окрестностей (рис. 9). Средства парковой композиции, преобразующей природный ландшафт, лаконичны и позволяют, не в ущерб удобству перемещения и

Рис. 9. Панорама Сортавалы с горы Кухавуори и старая водонапорная башня. Фото 1930-х годов.

Источник: <http://www.econetspb.ru/leasanship/catfourleasanship5671.html>

возможностям пользоваться благами цивилизации, ощущать элементы «дикости» природной среды. В 1920-е годы была построена лестница, появилось изящно вписанное в пространство парка кафе (то самое, недавно сгоревшее). Парк — по-прежнему излюбленное место отдыха горожан. В постсоветский период ему вернули прежнее название⁸⁴, возобновили традицию проведения в нём песенных фестивалей. Частые гости здесь — академические финские хоры из приграничья. Участники праздника, следуя по дорожке парка, вдруг неожиданно оказываются в атмосфере финской Сортавалы 1930-х годов.

Некоторые исследователи связывают нынешнюю Сортавалу с мифической Сортау, упоминаемой в датируемом 1154 годом труде Идриси. Арабский географ называл Сортау «страной магов на побережье»⁸⁵. Распространено мнение, что это место обладает позитивной энергетикой. Поскольку Е. Н. Рерих провела здесь около двух лет, последователи «Живой Этики» связывают это географическое пространство с исканиями, направленными на духовное самосовершенствование человека, на «возделывание» сада его души⁸⁶. Отсюда началась дорога Рерихов к Гималаям — самому магическому месту на земле. Для относящихся к «Агни-йоге» как к откровению Сортавала — своеобразная Мекка. Но и тем, кто не склонен видеть в этом учении новое священное писание, здешние места представляются очень подходящими для восприятия космической энергии. Приезжающие со всего мира люди устраивают здесь в последние годы массовые медитации. Волшебные мотивы есть и в сортавальской топонимике. Так, место, где была выстроена усадьба доктора Винтера, издавна называлось Таруниemi («Сказочный мыс»), отсюда название усадьбы — «Сказочный замок».

В первые советские годы новые жители старались продолжать традиции финского города-сада: за зелёными насаждениями и дендропарками заботливо ухаживали. Экзотические растения в городских скверах и цветы на клумбах радовали глаз фланёра. В памяти горожан сохранилось имя Н. А. Югана, выходца из Ленинграда, много сделавшего для развития паркового искусства в Сортавале⁸⁷. Я уже ссылался на Е. Добренко, полагающего, что сталинская эпоха характеризуется магическими ритуалами⁸⁸. Городской парк в тот период действительно играл значительную роль в жизни города: в нём происходили пышные празднества и народные гуляния, читались лекции, проводились спортивные состязания. Городской парк послевоенной Сортавалы видел выступления Вольфа Мессинга⁸⁹, а они по силе произведённого впечатления вполне могли бы превзойти пышные действия, которые некогда устраивал прославленный

американский антрепренёр Барнум и которые, по мнению его соотечественника Джеймса Комбса, репрезентировали символы общественного сознания примерно так же, как это делают современные тематические парки. А их Комбс интерпретирует как символы, представляющие модель мира для сообщества людей, объединённых мифами и общими стремлениями⁹⁰. Так что сталинский парк отнюдь не был чем-то исключительным... А вот при Хрущёве, как утверждает Добренко, магия в стране Советов исчезает. На её место приходят наука и техника, что означало возврат к прогрессизму ранних большевиков. Борьба с украшательством в архитектуре в период «оттепели» привела к появлению в центре города уродливых «хрущёвок», городские парки и скверы начинают приходить в запустение. В годы застоя тенденция к их упадку сохраняется.

Одна из самых значительных трансформаций городского пространства произошла в Сортавале в 1950-е годы, когда на месте открытой центральной торговой площади Петра и Павла (сейчас площадь Кирова) был разбит сквер⁹¹. Тем самым образ города-сада был существенно дополнен, но сад этот стал превращаться в дикий,

Рис. 10. Бывшее отделение Объединенного банка Северных стран (ул. Карельская, 19). В советское время и сейчас — здание почты.
Фото автора 2008 года

поскольку большая часть знаменитых местных дендропарков была практически уничтожена. Так два обычно противостоящих друг другу аспекта окружающей среды — дикая природа (*wilderness*) и городские сады (*gardens*) — обрели в Сортавале сосуществование. Что касается магических ритуалов советского периода, то главными, конечно, были парады и демонстрации. Они проходили на примыкавшей к центральной площади улице Карельской, где напротив здания почты⁹² (рис. 10) была установлена трибуна. Большое впечатление производили военные парады, а особым блеском и совершенством отличались марши пограничников.

Магия Сортавалы рождена поэзией воды и камня, их диалогом. Ландшафт Северного Приладожья — это природный *сад камней*, общающий месту особую поэтику. Каменный город, выстроенный из знаменитых местных пород⁹³, вписан в пространство этого сада. Находящаяся на вершине Кухавуори водонапорная башня, куда в прошлые времена подавалась чистейшая вода из горного озера Хельмиярви, предстаёт, как пишет краевед и учёный-геолог Игорь Борисов, гимном-памятником «сердобольскому граниту»⁹⁴.

Местом туристического паломничества стали сегодня так называемые Рускеальские мраморные ломки и другие места промышленной добычи камня. А сама башня, по замыслу Борисова, могла бы стать идеальным местом для музея истории этой индустрии, составившей славу города. К сожалению, каменное убранство Сортавалы тоже пострадало. В своё время площади и улицы в центральной части города были вымощены красным камнем, что придавало городскому ландшафту особый шарм, подчеркивало имидж «старого города». Начальники, по приказу которых мостовую заменили на асфальт, хотели как лучше, но увы...

Неблагоприятно складывается судьба не только городских парков, но и всего внешнего, нерукотворного «сада», который сегодня сильно страдает от промышленной деятельности. Северное Приладожье — дом не только для человека, но и для лесных и озёрных обитателей. Ещё сравнительно недавно он был полной чашей, однако ситуация изменилась и продолжает меняться стремительно и радикально. В 1950—1960-е годы весь берег залива Вакколахти был по весне заполнен рыбаками. Они располагались с удочками и саками, оборудованными самодельными подъёмниками, у железнодорожного моста, вдоль узкого прохода, ведущего из залива в окружающую Сортавалу систему озёр. Начинается эта система с Персидского залива, названного так жителями по фамилии хирурга, работавшего когда-то в соседнем деревянном здании городской больницы. Построенная ещё

финнами, больница долгие годы сбрасывала в залив все свои отходы. Речка, ведущая из Вакколахти в заболоченное озеро Айранне, находящееся за городским парком, обмелела и завалена мусором. Теперь в весеннюю пору в лучшем случае можно увидеть одного-двух рыбаков. Да и мальков в протоке немногим больше.

Сортавала окружена водой со всех сторон, её территория когда-то была островом. Пространство вокруг города сформировано тремя озерами — Ляппяярви на юго-востоке (вид на него открыт с многих точек центральной части Сортавалы), Кармаланярви на севере и Хюмпёляярви на юго-западе. Тухкалампи, небольшое озеро, соединяющееся с Ладогой упомянутым выше ручьем (на самом деле это бывший некогда полноводный залив Ваккосалми, соединявший и озеро Айране, и озеро Тухкалампи), стало превращаться в болото ещё при финнах. Историк Исмо Бьёрн упоминает о миллионах лягушек и о многочисленных тритонах, населявших это заболоченное озеро уже в начале XX века⁹⁵. Для русских поэтов, от Фета и Мандельштама до Елены Шварц, амфибии — один из символов Италии, и Сортавалу когда-то тоже можно было назвать «городом ящериц» (вновь средиземноморский мотив!). Память детства возвращает — из фетовской «Италии» — образ «ящериц, мелькающих кругом, / И негу их на нестерпимом зное...». Куда они, эти маленькие коричневые рептилии, безуспешно маскировавшиеся под серо-бурый цвет местных камней, теперь исчезли? Даже на Кухавуори, скале городского парка Ваккосалми, их было видимо-невидимо... Уже в конце XIX века в связи с прокладкой железной дороги значительная часть этой экологической системы пострадала — залив Вакколахти и озеро Тухкалампи пересекла насыпь. Последствия стали ощущаться не сразу; но сегодня, в сочетании с другими неблагоприятными факторами, картина окружающей город водной среды производит удручающее впечатление.

Ещё финны начали целлюлозно-бумажное производство в близлежащих Ляскеля и Питкяранта. После аннексии СССР Северного Приладожья эти находящиеся непосредственно на ладожском побережье предприятия стали гордостью советской индустрии — и источником загрязнения великого озера. Промышленное производство и туризм всегда сочетаются плохо. Финны по крайней мере строили небольшие промышленные предприятия с трубами из красного кирпича⁹⁶ и деликатно — в стороне от центра города. Ныне эти объекты даже придают дополнительное очарование городской среде. А вот хозяйственники послевоенного периода возвели, не задумываясь, гигантскую, уродующую город трубу в максимальной близости к историческому центру. Пользуясь метафорой Елены Фанайловой⁹⁷, можно

сказать, что не иголкой приколота центральная котельная к обоям городского ландшафта, а железным ломом.

В конце 1980-х годов создаётся первое совместное советско-финляндское предприятие по лесозаготовке «Ладэнсо». Позже начинают работать частные финские и российские компании. Много говорится о выборочных рубках, о скандинавской технологии. Дебаты по поводу того, насколько декларации лесозаготовителей соответствуют их практической деятельности, порой приобретают острый характер. Даже центральные масс-медиа пишут о коррупции в регионе и городе, сопутствующей экспорту леса⁹⁸. В 2007 году разразился очередной скандал по поводу рубок леса в ладожских шхерах, грозящих уникальному озеру гибелью. Инициативные группы пытаются добиться запрета и промышленной разработки каменных карьеров на месторождениях у поселка Хийтола близ Сортавалы⁹⁹.

* * *

Если говорить в терминах *культурной экологии*, то в период существования Сортавалы в составе Финляндии адаптация социокультурной системы к окружающей среде осуществлялась куда более органично, чем в советский период. В первой трети XX века экологическое сознание финнов ещё не было столь развито, как сегодня, и индустриализация и при них влекла за собой негативные последствия для окружающей среды. Но всё же в целом жизнедеятельность местного сообщества и развитие местной идентичности были направлены на естественное вживание в среду обитания. Эта культурная модель была тесно увязана с многовековыми традициями, со знанием и глубоко эмоциональным восприятием территории. В советский период, к сожалению, необходимость привязки социально-экономического развития к месту обитания и к его обитателям не принималась в расчёт, идеологические штампы вроде «воспитания советского человека» превалировали над формированием идентичности, свойственной данному месту. Как следствие, многое сегодня утрачено, а достижений, равных довоенным, нет. Но именно поэтому местному сообществу необходимо, осознав себя в качестве такового, создать собственную модель развития, предполагающую максимально органичное приспособление жизнедеятельности человека к природной и городской среде. В новых условиях концепция «город-музей» советского периода невозможна, концепция «город-завод» — нежелательна. Необходимо учесть опыт соседней Финляндии и продолжить заложенные предшественниками

местные традиции формирования динамично развивающейся среды обитания. Только так выработается социокультурная модель, по-настоящему соотносящаяся с неповторимым очарованием Сортавалы.

Приложение

СТИХИ О СОРТАВАЛЕ¹⁰⁰

«... тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал».

А. Ахматова

Мне повезло чуть больше, чем Шагалу,
чья краски, словно детский крик:
моя родная, ты не стала
обложкой иллюстрированных книг.
Да, и в Париже русский снег не таял.
Но всё ж не надо, как ему,
лететь к тебе, не прилетая,
к тебе, Эдему своему.
Я слишком мало жил, чтобы узнать,
как старится лицо любимой,
но дням былым судьба лежать —
подобно Витебску — руиной.
И всё же в час, когда иду
вдоль ладожского побережья,
с надеждою я возвращенья жду,
пусть ты такая же, как прежде.
Художник старый, да, ты прав —
вернуться в прошлое смогу едва ли.
Но ночью в дальних городах
я просыпаюсь в Сортавале.

* * *

Только здесь можно что-то понять,
где открытые раны — окна и двери,
и куда приезжаешь, чтобы считать
вновь прибавившиеся потери.
Этот город, как сломанный храм,
где святые поставлены к стенке.

Он белеет домами, как шрам
на ушибленной в детстве коленке.
Он дитя разнородных культур,
где соседствует с европейским
сводом новых архитектур
стиль казармы армейской.
Потому-то и я, словно сын
варвара и гречанки,
озираю взглядом косым
величественные останки.

ГОРОД, ГДЕ ЖИВЕТ ЛЮБОВЬ

Владимиру Судакову

Отблеск золотой солнечного дня,
из глубин ночных возврати меня.
Я найду свои белые дома.
Даст бог, только кончится зима.

Твой ультрамарин жалит как оса.
За твоей скалой — моря полоса.
Облако плывет в дальние края.
Здесь живет любовь моя.

Алфавит души — письмена берёз.
Каждый твой ответ для меня вопрос.
Где-то там моей жизни колея.
Ну а здесь — любовь моя.

Север-лицедей так похож на Юг.
Циферблат луны и сердечный стук.
Вольную схвачу, чтоб вернуться вновь
в город, где живет любовь.

* * *

Апрельский хрусталь под ногами.
Как войско оставивший князь,
следы пепелищ меж домами

нашел я, сюда воротясь.
И, точно намеченный сажей,
подобный набегу татар,
мне время последней пропажей
наносит под сердце удар.
Округа лицом Дориана
скукоживается на глазах.
Еще не смертельная рана
напоминает: все — прах.

* * *

Я ловлю календарь на обмане,
и виню своё зреньё —
санаторий тонет в тумане,
август — месяц осенний.

Пауки сушат сети на солнце,
не дождавшись улова.
Профиль девы маячит в оконце,
в паутине шевелится слово.

Стены Тункулы слишком стары,
чтобы дальние строить планы.
И до самой глухой поры
августовские длятся обманы.

ГОРОД-ГЕРОЙ

Город-язык умеет молчать,
но как прежних детей, переселенцев
Ладога не устаёт качать,
словно грудных младенцев.

Они скоро найдут другие края,
их выпустят из закрытого дома.
Но, этому городу благодаря,
им будет всё знакомо.

Узнают залив в тысяче рек,
вспомнят мост через Темзу и Сену.

И когда время остановит свой бег,
он простит им измену.

И где-нибудь, в «Родине» или «Заре»,
летней порой они ощутят прохладу,
и к парковой восходя горе,
увидят город, подобный саду.

ОСТРОВ ЛЮБВИ

Там дни идут, чуть медля,
полузабытых лет.
Там в вест-индийских дебрях
лежит скелет.

Но нет толкового вещдока:
обрывки снов,
ремиксы королей глэм-рока
и блюз коров.

Вода сравнима с молоком,
и, если вплавь,
то лишь за первым маяком
начнется явь

* * *

Кеннету Харальду

В этих галереях как безумец
я бродил, блещенные полотна
лишь один на стенах замечая
в отраженьях солнечной блесны.
И белё испачкав в голубое,
облакам добавив белизны,
в городе гулял беспечный ветер,
во дворах веревками качая.
Те картины не похитят воры —
годы загрузят вместе с телом
чудака, столь любящего фрески,

и наложат новые мазки.
Чтоб когда-нибудь другой ценитель,
вдруг зажав ладонями виски,
тоже прыгнул в эту синеву,
разметав по небу занавески.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В XIX веке финский археолог и этнограф Теодор Швиндт собирал в этих краях якобы реальные доказательства того, что в Северном Приладожье существовали люди-великаны. Одно из этих «доказательств» — громадные ископаемые кости, которые местные жители называли *метелляйненами*. См.: Швиндт Т. Народные предания Северо-Западного Приладожья, собранные летом 1879 года // Вуокса. Приозерский краеведческий альманах. Вып. 2. СПб., Б&К, 2001. Т. 1. С. 57.

² Так, здесь провели детские годы известные карельские поэты Марат Тарасов и Юрий Линник, писательница Раиса Мустонен, художник-авангардист Александр Харитонов.

³ *Замятин Д.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // История места: учебник или роман? Сб. материалов первой ежегодной конференции в рамках исследовательского проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательные аспекты» (Норильск, 9—11 декабря 2004 г.). М., Новое литературное обозрение, 2005. С. 11—12.

⁴ *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожинов. М., Худож. лит., 1986. С. 122.

⁵ *Валлерстайн И.* Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира (альманах), 2001. Вып. 2. С. 102—116.

⁶ *Митин И.* Город Олонец: опыт комплексной географической характеристики // Вестник Евразии, 2002. № 3. С. 11.

⁷ *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М., РОССПЭН, 2004. С. 30.

⁸ *Плисецкая М. Я.* Майя Плисецкая... М., Новости, 1994. С. 221.

⁹ См.: *Richardson M.* Place, Narrative, and the Writing Self: The Poetics of Being in The Garden of Eden // The Southern Review, 1999. Vol. 35, No. 2. P. 330—337.

¹⁰ См. его домашнюю страницу «Scott Smiley's Home Page» в Интернете по адресу: <http://home.earthlink.net/~scottsmiley/>.

¹¹ См.: *Смирнов С. А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России. 1999. Доступно на: <http://www.anthropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnovgorod>. Последнее посещение 23 мая 2008 года.

¹² См.: *Ионин Л.* Новая магическая эпоха // Логос, 2005. № 5 (50). С. 23—40.

¹³ Там же. С. 28. Связь магии с утопическим советским мировоззрением лишь недавно стала привлекать внимание учёных. Так, Евгений Добренко в статье, посвящённой календарному дискурсу советской эпохи, определяет сталинизм как период господства магии (см.: *Добренко Е.* Красный день календаря: Советский человек между временем и историей // Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Ханса Гюнттера / Под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб., Академический проект, 2002. С. 97—123). Если рассматривать позднесталинскую куль-

туру как отход от прогрессистского проекта большевиков, то взгляды Добренко и Иони-на не так уж противоречат друг другу. Стоит отметить также Александра Горбовского, проанализировавшего взаимосвязь магии и власти (*Горбовский А.* Магия и власть // *Знамя*, 1998. № 11. С. 194—211). Его выводы отличаются от выводов Добренко: Горбовский находит магию во всей советской эпохе, включая времена Хрущёва и Горбачёва. Вместе с тем у него термин «магия места» указывает на пространство политической власти, а не географическое.

¹⁴ См., например: *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М., Новое литературное обозрение, 2001. С. 7; *Митин И.* Город Олонеч... С. 10.

¹⁵ В пример можно привести замечательное эссе Елены Фанайловой (*Фанайлова Е.* Место путеводителя // *Митин журнал*, 1994. Вып. 51. С. 175—180), в котором рассматривается Воронеж как культурное пространство. Подобный «путеводитель» не нуждается в карте. План города крепится автором к «обоям ландшафта» с помощью «булавочек» и «иголочек», являющихся культурно-пространственными доминантами.

¹⁶ Известное прежде в профессиональной среде слово «матрица» получило широкое распространение в связи с развитием компьютерной и другой цифровой техники, а также после выхода одноимённого голливудского фильма. Сегодня этот термин часто употребляется и в общественно-политической сфере. Так, широкий резонанс имели слова заместителя главы администрации президента РФ Владислава Суркова о том, что национальный образ жизни, характер и мировоззрение русского народа «воспроизводятся с уникальной матрицы» (*Независимая газета*, 2007, 22 июня). С позиций психолингвистики обоснование связи матрицы и информации дал Ноам Хомски (см.: *Chomsky N.* Cartesian Linguistics. New York, Harper and Row, 1965 и репринт этой работы: *Chomsky N.* Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. Lanham, Maryland, University Press of America, 1986). Поскольку слово образовано от латинского *matrix* (матка), напрашивается ассоциация с матрёшкой. Д. Н. Замятин и предлагает представить структуру географического образа страны в виде матрёшки (*Замятин Д.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*, 2000. № 1. С. 107). Этот подход близок к матричному анализу географических образов города, осуществлённому в данной статье.

¹⁷ *Рывкин В. Р., Гуляев В. Ф.* Сортавала: фотоальбом. Петрозаводск, Карелия, 1992. С. 10.

¹⁸ См.: *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. Роль среды. М., Языки славянской культуры, 2002.

¹⁹ *Combs J.* The Political Meaning of Popular Symbolic Activity // *Browne R. et al.* (eds.). *Dominant Symbols in Popular Culture.* Bowling Green State University Press, 1990. P. 33.

²⁰ См., например: *Шевченко В.* Становление объектива. Постоянный адрес статьи на: <http://www.veer.info/52/shevchenko-4.htm>. Последнее посещение 26 мая 2008 года. Ссылку на другие статьи Шевченко («Театрон» и «Храм») см. на веб-сайте «Веер будущностей» (<http://www.veer.info/shevchenko-osn.html>) или на сайте литературно-философского журнала «Топос» (<http://www.topos.ru/veer/shevchenko-osn.html>).

²¹ Сортавала. Автор-составитель В. Р. Рывкин. Петрозаводск, Карелия, 1990. [С. 3].

²² Там же.

²³ Речь идет о церкви св. Николая Чудотворца в Рантуэ. Дата её постройки, вероятнее всего, — XVII век (*Рывкин В. Р., Гуляев В. Ф.* Сортавала... С. 12). По одной вер-

сии, она была капитально отремонтирована в 1891 году, по другой — построена заново по старому образцу в 1900 году.

²⁴ *Сойни Е.* Северный лик Николая Рериха. Самара, Агни, 2001. С. 35.

²⁵ *Линник Ю.* Моя Фенномания // *Север*, 2008. № 3—4. С. 224—225.

²⁶ Алломорф(а), от греч. *allos* (иной, другой) и *morphe* (форма) — в лингвистике вариант, разновидность морфемы.

²⁷ *Замятин Д.* Стратегия интерпретации историко-географических образов России // *Отечественные записки*, 2002. № 6. С. 3. Статья существует только в сетевой версии журнала, которая доступна по адресу: http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_64-pr.html. Последнее посещение 14 мая 2008 года.

²⁸ *Heikkinen K.* Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisis koskeva tutkimus. Joensuu yliopiston humanistisia julkaisuja, 1989. No. 9. S. 59—62.

²⁹ Писатель учился в Сортавальской семинарии, о чём свидетельствует мемориальная доска на одном из сохранившихся её зданий.

³⁰ Национальный архив Республики Карелии (НА РК). Ф. 2203. Оп. 1. Д. 78/1347. Л. 37.

³¹ *Изотов А. Б.* Финны в послевоенной Сортавале // *Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Материалы I международной научно-просветительской краеведческой конф. «370 лет Сортавале»* / Ред. Т. Ю. Бердяева и др. / Регион. музей Северного Приладожья. Петрозаводск, Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2005. С. 202—210; *Izotov A.* The Finnish Community in Postwar Sortavala // *Ethnic History of European Nations. Collection of scientific articles. Edition 18 / Univ. of Kiev. Kiev, 2005. P. 46—51.*

³² Л. Иванова-Везн и О. Хархордин подробно проанализировали роль моста через Волхов в древнем Новгороде. Ссылаясь на Хайдеггера, они видят в мосте, хорошо вписанном в окружающее его пространство, воплощение сакральной связи «неба и земли, богов и смертных». См.: *Иванова-Везн Л., Хархордин О.* Новгород как respublica: мост к величию // *Неприкосновенный запас*, 2003. № 4 (30). Доступно по адресу: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ivan.html>.

³³ Многие окраинные районы Сортавалы в послевоенные годы получили схожие названия, например, Авиагородок или Гидрогородок.

³⁴ Этот район обязан своим новым названием не вполне владевшим латинским алфавитом мигрантам, которые именно таким образом прочитали указатель оригинального финского названия места — Тухкала.

³⁵ *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе... С. 257—275.

³⁶ *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб., СЗКЭО, Кристалл 2003. С. 136—138.

³⁷ Наиболее полно символику креста проанализировал в одноимённой работе Рене Генон. См.: *Генон Р.* Символика креста. М., Прогресс-Традиция, 2004.

³⁸ *Исаченко Г. А.* Вуоксинская эпопея // *Вуокса*... С. 10.

³⁹ По одной из гипотез, находящееся неподалёку озеро Янисъярви, на берегу которого ныне расположена популярная турбаза, образовалось в результате падения метеорита и тоже известно своими аномальными явлениями, в частности наличием пород-импактитов и пониженных гравитационного и магнитного полей, характерных для метеоритных кратеров. См. *Борисов И.* След пришельца из космоса // *Ладога*, 2004, 14 мая.

⁴⁰ *Борисов И.* Тайна Крестового озера // *Ладога*, 2005, 26 августа.

⁴¹ *Петрова М. И., Петров И. В.* Топонимическое путешествие в Куркиёки // *Родные сердцу имена. Сб. материалов республиканского конкурса по карельской топо-*

нимии / Ред.-сост. Н. Н. Мамонтова, С. П. Пасюкова. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2006. С. 108.

⁴² *Лаурла К.* Герб Сортавалы // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1... С. 53—59.

⁴³ *Новосёлова З.* Сердоболь — уездный город Выборгской губернии XIX — начала XX в. // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1... С. 84.

⁴⁴ Примечательной особенностью этого баракообразного здания, к тому же выкрашенного в темно-синий цвет, было наличие небольшого старинного медного колокола времен шведского владычества. Сейчас он хранится в местном музее.

⁴⁵ Кроме вклада в изучение этого вопроса многочисленных академических институтов стоит упомянуть публикации Центра Стратегических Разработок «Северо-Запад», авторов журнала «60-я параллель» и проекта «Новый свет. Северная цивилизация» в рамках сетевого журнала «ИНАЧЕ».

⁴⁶ *Рывкин В. Р., Гуляев В. Ф.* Сортавала... С. 10.

⁴⁷ *Борисов И. В.* Музыка в камне. Сортавала, Ракурс, 2007. С. 34.

⁴⁸ *Сойни Е.* Северный лик Николая Рехиха... С. 35.

⁴⁹ Основные стратегические направления социально-экономического развития города Сортавалы (на 2001—2005 гг.) / Под ред. Т. В. Морозовой, Г. Б. Козыревой. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2001. С. 63.

⁵⁰ *Zimin D.* (ed.). Northwest Russia: current economic trends and future prospects / Univ. of Joensuu, Reports of the Karelian Institute, 2004. No. 13. P. 86.

⁵¹ Семантике лабиринта посвящена статья А. Голана «Лабиринт и Вавилон» (см.: *Голан А.* Миф и символ. М., Руслит, 1993. С. 125—131). Самые древние известные нам лабиринты — это классические, найденные в Греции и Италии лабиринты с крестом. Налицо взаимосвязь двух символов, выбранных для данной статьи, — креста и лабиринта. Одно из ключевых мест в геокультурном ландшафте Северного Приладожья занимает камень — и поэтому стоит упомянуть, что Х. Гюнтер связывает этимологию лабиринта с доиндоевропейским словом «камень» (там же. С. 125—126).

⁵² *Сойни Е.* Указ. соч. С. 39.

⁵³ *Попадин А. Н.* Символическое и материальное тело Калининграда и Кёнигсберга: Городское эссе. 2003. Доступно на: <http://www.a4plus.ru/club/texts/telo.html>. Последнее посещение 26 мая 2008 года.

⁵⁴ Слово «магия» здесь использовано в качестве эпитета. Но как пишет Елена Шварц, «при внимательном чтении “Избранного” Б. Ахмадулиной можно заметить, что Поэт, не ведая того (лишь смутно догадываясь), проходит путь Мага». Он ведёт от таинственной инициации («Озноб») до невещественного сокровища, обретенного и укрытого в Ларце («Ларец и ключ»). В магическом свете противоположности сливаются, юное становится древним, Лев возлежит рядом с Ягненком, и в этом мире (в этом Ларце) наступает Золотой век. *Ахмадулина Б. А.* Стихотворения. Эссе. М., Астрель — Олимп — АСТ, 2000. С. 483.

⁵⁵ См.: *Хейсконен Р.* Сортавала в недалеком будущем // Красное Знамя, 1969, 1 января.

⁵⁶ Мэрия Сортавалы находится в самом сердце города. Это здание в стиле модерн, бывший дом купца Сиитонена. Оно выходит одним фасадом на пл. Кирова, а другим — на пл. Вяйнямёйнена, прилегая углом к главной магистрали города — ул. Карельской.

⁵⁷ *Борхес Х. Л.* Абенхакан Эль-Бохари, умерший в своём лабиринте // *Борхес Х. Л.* Сокровенное чудо / Пер. с исп. И. Бабкина, М. Былинкиной, Ю. Ванникова, Е. Лысенко, Т. Шишовой. СПб., Азбука-классика, 2002. С. 203—213.

⁵⁸ В народном сознании — символический образ героя эпоса «Калевала» Вяйнямёйнена.

⁵⁹ Митин трактует традиционное понятие палимпсеста как модель места, в которой накладывающиеся друг на друга геокультурные слои формируют его образ. См.: *Митин И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии, 2004. № 3. С. 142—144.

⁶⁰ Указанная особенность касается исключительно прочтения финского архитектурного ландшафта в центральной части города. Сочетание его с появившимся в послевоенный период советским «новомодом» прекрасно иллюстрирует концепцию палимпсеста.

⁶¹ *Кочкуркина С. И.* Городище Паасо — археологический памятник древних карелов // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1... С. 6—13.

⁶² См.: *Глазьев В. Л.* Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред.-сост. С. Б. Чернышов. М., Аргус, 1995. Т. 1; *он же.* Глубинная Россия: 2000—2002. М., Новое издательство, 2003.

⁶³ См.: НА РК. Ф. Р-2203. Оп. 1. Д. 2/72. Л. 5; ф. Р-2203, Оп. 1. Д. 5/197, Л. 54, 56.

⁶⁴ В иллюстрированном путеводителе по Сортавале говорится о примерно 250 памятниках истории и культуры регионального и федерального значения. См.: *Бердяева Т., Ткачева Е.* Сортавала. Иллюстрированный путеводитель. Петрозаводск, Скандинавия, [б.г.]. С. 2; см. также: Основные стратегические направления социально-экономического развития города Сортавалы (на 2001—2005 гг.)... С. 63

⁶⁵ *Башляр Г.* Дом от погребца до чердака. Смысл жилища // Логос, 2002. № 3 (34). С. 19.

⁶⁶ *Рывкин В. Р., Гуляев В. Ф.* Сортавала... С. 36.

⁶⁷ Писатель Юрий Буйда, родившийся и выросший в Калининграде, так писал о своих детских впечатлениях: «Десяти-двадцати-тридцатилетний слой русской жизни зыбился на семисотлетнем основании, о котором я ничего не знал. И ребенок начинал сочинять, собирая осколки той жизни, которые силой его воображения складывались в некую картину... Это было творение мифа...» (*Буйда Ю.* Прусская невеста. Рассказы. М., Соло; Новое литературное обозрение, 1999. С. 7). Различаться могут детали, суть же восприятия наиболее впечатлительными мигрантами этих двух городов одна: отсутствие исторических знаний о месте рождало полёт буйной фантазии.

⁶⁸ См.: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., Бельведер, 2002. С. 164, 165, 167, 170. О некрополе «Финское кладбище» в Сортавале см.: *Борисов И. В.* Музыка в камне... С. 36.

⁶⁹ Недавно изданный сборник воспоминаний (см.: Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб., Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005 (Studia Ethnologica, вып. 2)) — результат совместного российско-финляндского проекта — содержит ценные устные свидетельства переселенцев 1940—1950-х годов в г. Лахденпохья (территория, административно входившая в Сортавальский район в советский период). Это важная информация, характеризующая само переселенческое сообщество и отношение его к новому месту жительства, финнам, их культуре. Аналитические статьи, посвящённые интерпретации этих материалов см. в сборнике статей: *Hakamies P.* (ed.). Moving in the USSR: Western Materialies and Northern Wilderness / Finnish Literature Society. Helsinki, 2005.

⁷⁰ На территориях, примыкающих к городу, есть и другие примеры подобной архитектуры. В альманахе «Сердоболь» можно прочитать о славном прошлом и печальном настоящем ещё одной усадьбы — Ниэмеляхови, находящейся в 16—18 километрах к югу от города, на берегу ладожского залива Ниэмеляхти (Сердоболь. Городской альманах, 2008. № 1. С. 27—29).

⁷¹ Многие граждане СССР знали Сортавалу благодаря тому, что рядом находились Валаам и Дом композиторов. Известные деятели культуры приезжали сюда в творческий отпуск. Говорят, что именно здесь Колкер написал песню «Долго будет Карелия сниться», а страстный рыбак Евгений Светланов, прежде чем приобрести дачу в настоящей Швейцарии, многие годы был владельцем собственного дома неподалеку от бывшей дачи Яскеляйнена в «финской Швейцарии».

⁷² В настоящее время местный предприниматель М. А. Коган организовал на базе бывшей усадьбы Тарулинна получивший всероссийскую известность туристический комплекс «Дача Винтера». Новый владелец обещал восстановить дендропарк.

⁷³ *Jaatinen M. I.* Sortavala ja Kakisalmi // *Arkkitiehti*, 2000. № 2. S. 89.

⁷⁴ *Рыкин В. Р., Гуляев В. Ф.* Указ. соч. С. 24.

⁷⁵ *Жид А.* Яства земные. Доступно на: http://read.newlibrary.ry/read/andre_zhid/jastva_zemnye.html. Последнее посещение 11 мая 2008 года.

⁷⁶ *Hakkarainen M.* “We were unaware of the history. Just took... our risk”: The past cultural landscape in Ladoga Karelia and the Karelian Isthmus” // *P. Hakamies* (ed.). *Moving in the USSR...* P. 48, 59.

⁷⁷ Англичанином Э. Говардом. В первые десятилетия XX века идея «города-сада» получила практическое выражение в проектах его многочисленных последователей в Европе и в СССР. См.: *Меерович М.* Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // *Вестник Евразии*, 2007. № 1 (35). С. 118—166.

⁷⁸ О символическом значении восточных садов см.: *Новикова Е.* Китайский сад — модель взаимоотношений Человека и Природы // *Человек и Природа в духовной культуре Востока*. М., ИВ РАН; Крафт+, 2004, с. 397—417; *Малявин В. В.* Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени. М., Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2000. С. 300—351.

⁷⁹ *Вольтер.* Кандид, или Оптимизм // *Вольтер. Философские повести / Сост. вступ. ст. и ком. А. Михайлов.* М., Правда, 1985. С. 241.

⁸⁰ *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *В. Н. Топоров. Исследования по структуре текста.* М., 1987. С. 121.

⁸¹ *Смирнов С. А.* Антропология города...

⁸² *Ионин Л.* Новая магическая эпоха... С. 26—27.

⁸³ *Scott Smiley's Home Page...* Смайли защитил диссертацию по теме «Осмысляя сад: поэтика места и вживания в него» (“*Musing the Garden: A Poetics of Place and Emplacement*”).

⁸⁴ Советским названием «ПКиО им. ВЛКСМ» его в повседневной жизни никто не называл и раньше. Оно упоминалось лишь в официальных документах. Обычно говорили просто «парк».

⁸⁵ *Судаков В.* Сортавала-Сердоболь // *Вуокса. Приозерский краеведческий альманах.* Вып. 2... С. 124.

⁸⁶ *Шапошников Л. В.* Держава Рерихов. Т. 1. М., МЦР; Мастер-Банк, 2006. С. 191—221; *она же.* Великое путешествие: в 3 кн. Кн. 3. Вселенная Мастера. М., МЦР; Мастер-Банк, 2005. С. 758—794; *она же.* Учителя // *Утренняя звезда.* Научно-художественный альманах Международного Центра Рерихов, 1993. № 1.

⁸⁷ Организованный Н. А. Юганом питомник не только снабжал посадочным материалом свой город, но и оказал помощь в организации Ботанического сада Петрозаводского университета. Как вспоминает одна из сотрудниц Петрозаводского государственного университета А. С. Лантратова, в 1953 году была организована экспедиция в Северное Приладожье, где был получен необходимый материал. Антонина Степановна, которая, по её собственным словам, уже несколько лет пытается издать книгу «История парков Петрозаводска», с горечью говорит о печальной судьбе Сортавальского питомника: «К сожалению, его больше нет: после кончины директора, замечательного энтузиаста Николая Алексеевича Югана, питомник разграбили, а территорию застроили...» (цит. по: *Лантратов С.* Возвращение в Эдем. 50 лет насчитывает история Ботанического сада Петрозаводского университета // *Карелия*, 2001, 18 октября).

⁸⁸ См.: *Добренко Е.* Красный день календаря...

⁸⁹ Вольф Мессинг (10 сентября 1899, Гура-Кальвария, Варшавская губерния — 8 ноября 1974, Москва) — польский и советский гипнотизёр, заслуженный артист РСФСР (1971). Многие современники считали, что он обладал даром телепатии и предвидения.

⁹⁰ Анализируемые Комбсом политические коннотации репрезентативной символики американских парков времен Рейгана и Буша удивительно совпадают с нашей нынешней оценкой ритуального значения сталинских народных празднований. В частности, автор утверждает, что в диснеевских парках человек попадает в метамир, симулирующий исторические события или общественные ценности. См.: *Combs J.* *The Political Meaning of Popular Symbolic Activity...* P. 32—33.

⁹¹ Наличие центральной торговой площади в финское время усиливало имидж Сортавалы как европейского города. Изначально в городе имелось три площади. На одной из них (пл. Вайнемёйнена) сквер был разбит ещё финнами, другая ныне недоступна для публики. Мотивы разбивки на третьей площади центрального городского сада документально не отражены. Возможно, это один из примеров переструктурирования культурного ландшафта в соответствии со вкусами переселенцев. Открытая площадь выглядела «исходящей от чужого», со сквером же казалась более родной.

⁹² Карельская, 19 — здание бывшего отделения Объединённого банка северных стран, построенное архитектором У. Ульбергом в стиле национального романтизма.

⁹³ То, что многие памятники зодчества Петербурга обязаны своим существованием Сердоболу, — факт широко известный. Подробнее см.: *Булах А. Г., Борисов И. В., Гавриленко В. В., Панова Е. Г.* Каменное убранство Петербурга. Книга путешествий. 5. СПб., Государыня, 2004.

⁹⁴ *Борисов И.* Музыка в камне... С. 11. Поэтика приладожского камня хорошо вписывается в контекст мировой философской лирики. Великие поэты выразили метафизическую связь судеб камня и человеческой жизни. О. Э. Мандельштам писал: «Прелестные страницы, посвященные Новалисом горняцкому, штейгерскому делу, конкретизируют связь камня и культуры, выращивая культуру как породу...» (*Мандельштам О. Э.* Слово и культура: Статьи. М., Советский писатель, 1987. С. 148). Этот аспект творчества Мандельштама проанализирован в работах Д. М. Сегала. См., например: *Сегал Д. М.* О некоторых аспектах смысловой структуры «Грифельной оды» О. Э. Мандельштама // *Д. М. Сегал.* Литература как охранная грамота. М., Водолей Publishers, 2006. С. 253—301.

⁹⁵ *Bjorn I.* *Suomalaisten Sortavala, Laatokan valkoinen kaupunki* // *P. Hakamies, I. Liikanen ja H. Simola* (toim.). *Sortavala — rajakaupunki.* Joensuu, 2001 (P. Hakamies,

I. Liikanen, H. Simola H. (eds.). Sortavala — a Border Town. Joensuu, University of Joensuu / Publications of Karelian Institute, 2001. P. 22.

⁹⁶ Одно из подобных предприятий переделано под популярную у финских туристов гостиницу «Piipun Piha», что в переводе на русский означает «Двор с трубой».

⁹⁷ См. прим. 15.

⁹⁸ См., например: *Васина Г.* Сортавала: тяготы и радости малого города. Парламентская газета, 2003, 25 июля. № 137 (1266).

⁹⁹ *Владимирская Н.* Шхеры раздора // Эксперт Северо-Запад, 2007. № 28, 23 июля.

¹⁰⁰ Это и все последующие стихотворения опубликованы в поэтическом сборнике: *Изотов А.* Остров любви. Петрозаводск, Скандинавия, 2005.